

Сергей Михайлович Соловьев

**История России с древнейших  
времен. Том 5**



История России с древнейших времен

Сергей Соловьев

**История России с  
древнейших времен. Том 5**

«Public Domain»

1851-1879

## **Соловьев С. М.**

История России с древнейших времен. Том 5 /  
С. М. Соловьев — «Public Domain», 1851-1879 — (История  
России с древнейших времен)

Знаменитый труд великого русского историка Сергея Михайловича Соловьева (1820–1879), является крупнейшим достижением русской исторической науки XIX в. С. М. Соловьев – «первый среди равных», в плеяде блестящих русских историков в которую входят Н. Карамзин, В. Ключевский, Н. Костомаров, А. Пресняков, Т. Грановский, С. Платонов и многие другие. Пятый том обширного 29-томного труда охватывает время правления Великого князя Московского Иоанна III Васильевича.

# Содержание

Часть I	5
ГЛАВА ПЕРВАЯ	5
ГЛАВА ВТОРАЯ	31
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	43
Конец ознакомительного фрагмента.	60

# Сергей Соловьев

## История России с древнейших времен.

### Том 5. Великий князь московский Иоанн III Васильевич и его время 1462–1505 гг

#### Часть I

### ГЛАВА ПЕРВАЯ НОВГОРОД ВЕЛИКИЙ

*Значение Иоанна III и характер его. – Состояние Новгорода Великого. – Литовская сторона. – Борецкие. – Столкновения с великим князем. – Осторожное поведение великого князя и митрополита. – Избрание владыки. – Вечевая усобица. – Договор с Казимиром литовским. – Война Новгорода с Москвою. – Мир по старине. – Посвящение владыки Феофила. – Новгородское беззрядье; обиженные обращаются к суду великокняжескому. – Мирный приезд Иоанна в Новгород для управа. Суд. – Жалобщики едут в Москву. – Государь и господин. – Иоанн хочет быть государем в Новгороде. – Новая война. – Приравнение Новгорода к Москве. – Движения в Новгороде в пользу старины. – Казни и переселения. – Присоединение Вятки. – Ссоры псковичей с наместниками великокняжескими. – Московский великий князь распоряжается в Рязани. – Присоединение Твери к Москве; окончательное присоединение Ярославля и Ростова.*

Иногда видим мы, как целые поколения в продолжение многих и многих лет тяжелыми трудами накаплиют большие богатства: сын прибавляет к тому, что было накоплено отцом, внук увеличивает собранное отцом и дедом; тихо, медленно, незаметно действуют они, подвергаются лишениям, живут бедно; и вот наконец накопленные средства достигают обширных размеров, и вот наконец счастливый наследник трудолюбивых и бережливых предков начинает пользоваться доставшимся ему богатством. Он не расточает его, напротив, увеличивает; но при этом способ его действий по самой обширности средств отличается уже большими размерами, становится громок, виден, обращает на себя всеобщее внимание, ибо имеет влияние на судьбу, на благосостояние многих. Честь и слава человеку, который так благоразумно умел воспользоваться доставшимся ему средствами; но при этом должны ли быть забыты скромные предки, которые своими трудами, бережливостью, лишениями доставили ему эти средства?

Счастливый потомок целого ряда умных, трудолюбивых, бережливых предков, Иоанн III вступил на московский престол, когда дело собирания Северо-Восточной Руси могло почитаться уже оконченным; старое здание было совершенно расшатано в своих основаниях, и нужен был последний, уже легкий удар, чтоб доручить его. Отношения всех частей народонаселения ко власти княжеской издавна уже определялись в пользу последней: надлежало только воспользоваться обстоятельствами, воспользоваться преданиями, доставшимися в наследство от Византийской империи, чтоб выказать яснее эти отношения, дать им точнейшее определение. Новгород, Тверь, уделы княжества Московского ждали не последнего удара, но, можно сказать, только первого движения со стороны Москвы, чтоб присоединиться, приравняться к ней. Орда падала сама собою от разделения, усобиц, и стоило только

воспользоваться этим разделением и усобицами, чтоб так называемое татарское иго исчезло без больших усилий со стороны Москвы. На западе король польский и великий князь литовский занят внутри разделением между Польшею и Литвою, разделением, господствующим под видом соединения; сильно занят извне отношениями к Пруссии, Богемии, Венгрии, не может мешать Москве в ее усилении, не может бороться с нею и уступает ей целые области. Спокойный, единовластный внутри, московский князь пользуется своими средствами, пользуется собранием Северо-Восточной Руси, совершенным его предками, пользуется счастливыми внешними обстоятельствами, затруднительным положением соседей, чтоб начать наступательное движение на восток, на племена финские, на царства татарские, относительно же юго-запада припоминает, что Киев, Смоленск, Витебск и Полоцк издавна его предков отчины. С прекращением внутреннего движения для собрания земли, с утверждением единовластия и с началом внешних движений замкнутость, отчужденность Северо-Восточной Руси необходимо начинает прекращаться: державы Западной Европы узнают, что на северо-востоке существует обширное, самостоятельное Русское государство кроме той Руси, которая подчинена польским королям, и начинают отправлять в Москву послов, чтоб познакомиться с новым государством и попытаться, нельзя ли употребить его средства для общих европейских целей. Первым необходимым следствием начавшихся сношений с западными государствами было появление западных художников в Москве, которая таким образом начинает пользоваться плодами европейской цивилизации. Понятно, что все это были только начатки, начатки слабые: сношения с западными державами не шли далее Италии, Дании, Германской империи; сношения с последнею скоро должны были прекратиться, по недостатку общих интересов; как и прежде, татарские орды на востоке и юге, Литва и Швеция на западе ограничивали политический горизонт Московского государства.

Таковы были следствия собрания Русской земли около Москвы, следствия, необходимо обнаружившиеся во второй половине XV века, в княжение Иоанна III, который, пользуясь полученными от предков средствами, пользуясь счастливым положением своим относительно соседних государств, доканчивает старое и вместе с тем необходимо начинает новое. Это новое не есть следствие его одной деятельности; но Иоанну III принадлежит почетное место среди собирателей Русской земли, среди образователей Московского государства; Иоанну III принадлежит честь за то, что он умел пользоваться своими средствами и счастливыми обстоятельствами, в которых находился во все продолжение жизни. При пользовании своими средствами и своим положением Иоанн явился истым потомком Всеволода III и Калиты, истым князем Северной Руси: расчетливость, медленность, осторожность, сильное отвращение от мер решительных, которыми было можно много выиграть, но и потерять, и при этом стойкость в доведении до конца раз начатого, хладнокровие – вот отличительные черты деятельности Иоанна III. Благодаря известиям венецианца Контарини мы можем иметь некоторое понятие и о физических свойствах Иоанна: он был высокий, худощавый, красивый мужчина; из прозвища Горбатый, которое встречается в некоторых летописях, должно заключать, что он при высоком росте был сутуловат.

Мы видели, что только увещания новгородского архиепископа Ионы, пользовавшегося особенным уважением в Москве, и последовавшая вскоре смерть великого князя отвратили от Новгорода последний удар, который хотел нанести ему Василий Темный, жаловавшийся, что новгородцы не чтут его как следует. Действительно, особый быт Новгорода давно уже поддерживался только усобицами княжескими, и необходимым следствием их прекращения было приравнение Новгорода к другим городам Северной Руси, полное подчинение его князьям московским; Василий Темный, как скоро избавился от опасных или беспокойных князей, так начал тяготиться, что Новгород не воздает ему достойной чести, ему, который держит в руках всех князей: понятно, что если сам Василий не успел освободить себя от таких неприятных для него отношений, то сын его должен был об этом позаботиться. Новгородцы

не могли не понимать всей опасности своего положения, не могли не видеть, что против сына Василиева не будет им помощи ни от кого из князей Северной Руси, и потому должны были искать помощи в другой стороне. Кроме великого князя московского, теперь сильного, спокойного, замышлявшего нанести последний удар Новгороду, был еще великий князь литовский, который назывался также и русским; к этому князю отъезжали из Северо-Восточной Руси все князья недовольные, лишённые отчин, угрожаемые князем московским; к нему обратились и новгородцы в последний, решительный час. Но великий князь литовский и вместе король польский был католик; отложиться от московского князя и поддаться литовскому, отложиться от московского митрополита и признать свою зависимость от митрополита киевского, митрополита подозрительного по своему поставлению, ученика Исидорова, в глазах многих, в глазах большинства в Новгороде, в глазах всего северного русского населения значило изменить православие, приложиться к латинству или по крайней мере подвергнуть древнее благочестие сильной опасности. Таким образом, мысль о подданстве великому князю литовскому встречала сопротивление в господствующем чувстве большинства в Новгороде, в привязанности к вере предков; таким образом, Москва в окончательной борьбе своей с Новгородом имела могущественного нравственного союзника, обещавшего верную победу; этот союзник было православие.

И прежде не раз великие князья литовские предлагали свое покровительство Новгороду; их предложения были отвергаемы; и нельзя не заметить, что главным побуждением к тому было иноверство Гедиминовичей, хотя, с другой стороны, и от Москвы не было еще тогда такой опасности, которая бы заставила новгородцев быть внимательнее к предложениям из Литвы. Но мысль, что рано или поздно придется просить помощи у Литвы, эта мысль не могла уже быть чуждою в Новгороде, и здесь нашлись люди, которые не разделяли мнения большинства относительно препятствий к соединению с Литвою. Заметно было уже и прежде раздвоение между гражданами новгородскими, между лучшими и меньшими людьми; теперь, в решительную минуту, это разделение повело к разномыслию относительно самого важного шага, а это разномыслие в свою очередь усиливало вражду между сторонами. Есть известие, что будто бы еще в тридцатых годах столетия была в Новгороде смута от желания знатных людей присоединиться к Литве. В решительную минуту борьбы Новгород был разделен; в Москве не могли не знать о существовании литовской стороны, которая, разумеется, должна была утверждать, что соединение с Литвою вовсе не опасно для православия, что в старом Киеве такой же православный митрополит, как и в Москве. Для ослабления литовской стороны надобно было возражать на это, надобно было удерживать прежде всего владыку новгородского от признания киевского митрополита Григория православным, законным, и вот Иоанн III посылает к владыке Ионе с такими речами: «Тебе известно, откуда пришел этот Григорий и от кого поставлен: пришел он из Рима, от папы, и поставлен в Риме же бывшим цареградским патриархом Григорием, который повиновался папе с осьмого собора. Ты знаешь также, за сколько лет отделилась греческая церковь от латинской, и святыми отцами утверждено, чтоб не соединяться с латинством. Ты должен хорошо помнить, какой обет дал ты Ионе-митрополиту, когда приезжал к нам в Москву: ты обещал не приступать к Григорию, не отступать от Ионы – митрополита всея Руси – и от его преемников; такой же обет повторил и митрополиту Феодосию, и нынешнему Филиппу... Так если тот Григорий начнет подсылать к тебе или к новгородцам с какими-нибудь речами или письмами, то ты, богомолец наш, поберегись и своим детям внуши, чтоб Григорьеву посланию не верили, речей его не слушали и даров не принимали; да помни, отец, свой обет, который ты дал на своем поставлении отцу нашему, Ионе-митрополиту, и всем его преемникам».

В челе стороны литовской стояли Борецкие, дети умершего посадника Исака Борецкого. Мы видели, какое важное значение в семействах княжеских получали матери по

смерти отцов; так было и в семьях частных: вдова Исака Борецкого, Марфа, имела сильную власть над детьми по обычаю и по личному характеру и посредством этой власти пользовалась могущественным влиянием на дела родного города. Существование сильной стороны, Москве враждебной, ожесточение, так резко обнаружившееся в некоторых новгородцах после похода Василия Темного, не могли не повести к враждебным столкновениям Новгорода с Москвою в княжение преемника Василиева: в Новгороде стали утаивать великокняжеские пошлины; стали заводить опять за себя земли и воды, уступленные прежде по суду Москве; с большого веча шумная толпа людей являлась на великокняжеский двор, на Городище, бранили, бесчестили наместников, посла Иоаннова; по одному из условий договора Васильева московские подданные, тяжущиеся с новгородцами, судились новгородским боярином вместе с московским на Городище; новгородцы, забыв об этом условии, схватили на Городище каких-то двух князей, *за отказом в имени великого князя*, людей их взяли, били, свели в город и мучили; наконец, новгородские порубежники нападали на волости московские. Великий князь во все это время был занят войною казанскою; с другой стороны, по природной осторожности своей он мог бояться решительными, строгими требованиями усилить, увеличить число приверженцев литовских и заставить Новгород поддаться Казимиру. Несколько раз отправлял он в Новгород послов с требованием, чтобы отчина его исправилась, жила по старине. Теперь это слово «старина» в устах великокняжеских получала особое значение: до сих пор в отношении к великим князьям новгородцы имели важное преимущество действовать во имя старины; теперь, замышляя подданство литовское, они теряли это преимущество, переходившее на сторону великого князя; сперва новгородцы не требовали от князей ничего более, кроме исполнения старинных условий; теперь великий князь требует от новгородцев сохранения старины.

И митрополит московский держался также старины: мы видели, что псковичи постоянно тяготились зависимостью своей от владыки новгородского, который, в их глазах, не исполнял своих обязанностей в отношении к ним, как следует, отчего происходили сильные неурядицы в псковской церкви. В конце 1463 года псковичи отправили к великому князю гонца с двумя грамотами: в одной написана была благодарность от всего Пскова за то, что Иоанн прислал воеводу своего оборонять Псков от немцев, причем прибавлено: «Хотели мы слать к тебе, своему государю, людей честных, посадников и бояр, да затем не послали, что не пропустит Великий Новгород». Великий князь с удивлением сказал гонцу: «Как это вы побоялись моей отчины, Великого Новгорода? Как новгородцам не пропустить ваших послов ко мне, когда они у меня в крестном целовании?» Другая грамота объясняла дело: в ней псковичи просили, чтобы великий князь велел митрополиту поставить особого владыку во Псков, их же брата, псковитина. Иоанн отвечал: «Это дело великое: хотим о нем с отцом своим, митрополитом, крепко подумать; отец наш пошлет за архиепископами и епископами, и если они все согласятся, то мы вам дадим знать». В начале следующего года псковичи возобновили просьбу через знатных послов, которые привезли великому князю в подарок 50 рублей; но успеха не было: Иоанн, подумавши с митрополитом, объявил, что нельзя быть во Пскове особому владыке, потому что с самого начала не бывал и нет стола во Пскове. Псковичи принуждены были возвратить новгородскому владыке воды, земли и все оброки, которые было захватили в надежде, что Москва исполнит их желание. В конце 1468 года они попытались было опять ввести новизну в своем церковном управлении, и опять неудачно: все монахи и священники псковские, все пять соборов, благословивши посадников и весь Псков на вече, сказали: «Хотим, дети, между собою, по правилам св. апостол и св. отец, во всем священстве крепость положить, как нам управляться и жить по Номоканону; а вы нам, дети, будьте поборники, потому что здесь правителя над нами нет и нам самим между собою крепости удержать нельзя, да и вы иногда вступаетесь миром в церковные дела не по правилам: так мы хотим и на вас такую же крепость положить». Псков им отвечал:

«То ведаете вы, все божие священство; и мы вам поборники на всякий добрый совет». Тогда все пять соборов и все священство написали грамоту из Номоканона о своих священнических крепостях и о церковных делах и положили грамоту в ларь, а для исполнения грамоты правителями над собой на вече перед всем Псковом посадили двоих священников. Но скоро клеветники встали на одного из этих правителей, и он убежал в Новгород к владыке. Владыка, узнавши о новизне, приехал в начале 1469 года во Псков и спросил: «Кто это так сделал без моего ведома? Я сам хочу здесь судить, и вы бы грамоту вынули и подрали». Все божие священство, посадники и весь Псков, подумавши, отвечали: «Сам, господин, знаешь, что тебе здесь недолго быть и нашего дела тебе скоро нельзя управить, потому что в это последнее время в церквах между священниками смущение сильное, так что всего и сказать нельзя, сами они хорошо об этом знают; так вот, грамоту из Номоканона выписали и в ларь положили по вашему же слову; сам ты, господин, и прежние владыки благословляли пять соборов управлять всякими делами священническими по Номоканону вместе с своим наместником». Владыка сказал: «Доложу об этом митрополиту и дам вам знать, как он прикажет». Митрополит благословил, а великий князь приказал, чтоб псковичи все управление священническое положили на архиепископе новгородском, потому что так искони предано, и весь Псков митрополичье благословение и государя своего, великого князя, слово принял, вынул грамоту из ларя и подрал.

Между тем в Москву приехал из Новгорода посол, посадник Василий Ананьин, правил посольство о своих делах земских новгородских, относительно же великокняжеских жалоб не сказал ни слова и, когда бояре напомнили ему о них, отвечал: «Великий Новгород об этом не мне приказал». Великого князя раздосадовала такая грубость, что новгородцы о своих земских делах к нему посылают и челом бьют, а в чем ему грубят, то забывают; он велел Ананьину сказать новгородцам: «Исправьтесь, *отчина моя*, сознайтесь, в земли и воды мои не вступайтесь, имя мое держите честно и грозно по старине, ко мне посылайте бить челом по докончанию, а я вас, свою отчину, жаловать хочу и в старине держу». Отправивши такое умеренное требование, без всяких угроз, Иоанн, однако, не очень надеялся на удовлетворительный для себя ответ со стороны Новгорода и стал думать о походе, послал сказать псковичам: «Если Великий Новгород не добьет мне челом о *моих старинах*, то отчина моя Псков послужил бы мне, великому князю, на Великий Новгород за мои старины».

В таком положении находились дела, когда в ноябре 1470 года умер новгородский владыка Иона, а чрез два дня после его смерти приехал в Новгород брат киевского князя — наместника Семена, Михаиле Александрович или Олелькович, выпрошенный Новгородом у короля Казимира, приехал в сопровождении многочисленной толпы и был принят с честью. Принимать с честью князей литовских и давать им кормление на пригородах не было новостью для Новгорода, и подобные приемы прежде не вели к разрыву с московскими князьями, которые продолжали держать в Новгороде своих наместников. Так и теперь новгородцы, принявши Олельковича, не показали пути наместникам Иоанновым; но теперь обстоятельства были уже другие; теперь пробил решительный час, теперь громко и ясно был высказан вопрос: оставаться ли за Москвою или просить покровительства у короля литовского? И при решении этого вопроса город разделился на две стороны. Олельковича выпросили у Казимира не для защиты от шведов или немцев, выпросила его сторона литовская для усиления себя, для угрозы Москве.

Через десять дней после смерти Ионы посадники, тысяцкие и весь Великий Новгород, поставя вече у св. Софии, положили три жребия на престоле: жребий Варсонофия, духовника, Пимена, ключника, и Феофила, ризничьего архиепископских; вынул жребий Феофилов; избранного по старине ввели честно во владычней двор, на сени, и по старине отправили посла в Москву бить челом великому князю, просить опасной грамоты для приезда Феофила и посвящения его в архиепископы у гроба чудотворца Петра. Но сторона литов-

ская, Борецкие с Олельковичем действовали: говорят, что князь Михаил указывал Марфе жениха в одном из панов литовских, в будущем наместнике новгородском, с которым она станет правительницей родного города. Ключник владычней Пимен, потерявши надежду стать архиепископом по жребию, думал получить свое желание при новом порядке вещей, тем более что Феофил был за старину, требовал, чтоб его отправили непременно на поставление в Москву; Пимен, напротив, стал объявлять: «Хотя на Киев меня пошлите, я и туда на свое постановление поеду»; хозяин богатой казны архиепископской, Пимен передал много денег Марфе для подкупа людей на свою сторону. Но такое поведение Пимена, разграбление казны владычней и желание идти наперекор священному древнему обычаю, по которому был избран Феофил, возбудили сильное негодование в Новгороде: Пимена схватили, мучили, казну его разграбили и, кроме того, взыскали 1000 рублей. Пришел и ответ из Москвы на просьбу о позволении приехать Феофилу; великий князь велел сказать: «Отчина моя Великий Новгород прислал ко мне бить челом, и я его жалую, нареченному владыке Феофилу велю быть у себя и у митрополита для поставленья без всяких зацепок, по прежнему обычаю, как было при отце моем, деде и прадедах».

Люди, не хотевшие разрывать с Москвой, и в том числе Феофил, обрадовались дружелюбному ответу Иоаннову; но в это самое время явились послы псковские с такой речью: «Нас великий князь, а наш государь поднимает на вас; от вас же, своей отчины, челобиться хочет. Если вам будет надобно, то мы за вас, свою братью, ради отправить посла к великому князю, бить челом о миродокончальной с вами грамоте: так вы бы послам нашим дали путь по своей вотчине к великому князю». Это посольство доставило приверженцам литовским предлог к восстанию; на вече раздались голоса: «Не хотим за великого князя московского, не хотим называться его отчиною, мы люди вольные; не хотим терпеть обиды от Москвы, хотим за короля Казимира! Московский князь присылает опасную грамоту нареченному владыке, а между тем поднимает на нас псковичей и сам хочет идти!» В ответ слышались крики стороны противной: «Хотим, по старине, к Москве! Нельзя нам отдаться за короля и поставить владыку у себя от митрополита-латинца». Вечевая усобица должна была решить вопрос о том, за кем быть Новгороду – за литовским или московским князем, как прежде она решала, какого князя принять – киевского, черниговского или суздальского? Природа веча давала стороне богатейшей возможность осилить противников менее богатых наймом людей, которые продавали не только свои голоса на вече, но и свои руки, когда дело доходило до схватки: по словам летописца, приверженцы Литвы стали нанимать *худых мужиков вечников*, которые готовы стать за всякого, по своему обычаю; вечники начали звонить в колокола, кричать: «Хотим за короля!» – и бросать камнями в тех, которые хотели оставаться за московским князем. Наконец литовская сторона осилила: отправили посла с поминками и с челобитьем к королю, и король заключил договор со всем Великим Новгородом, мужами вольными: обязался держать на Городище наместника веры греческой, православного христианства; наместник, дворецкий и тиуны королевские, живя на Городище, не могли иметь при себе более пятидесяти человек. Пойдет великий князь московский на Великий Новгород, или сын его, или брат или которую землю поднимет на Великий Новгород, королю садиться на коня за Новгород со всею Радою литовскою; если же король, не помилив Новгорода с московским князем, поедет в Польскую землю или Немецкую и без него пойдет Москва на Новгород, то Рада литовская садится на коня и обороняет Новгород. Король не отнимает у новгородцев их веры греческой православной, и где будет любо Великому Новгороду, тут и поставит себе владыку; римских церковей король не ставит ни в Новгороде, ни в пригородах, ни по всей земле Новгородской. Что в Пскове суд, печать и земли Великого Новгорода, то к Великому Новгороду по старине. Если король помирит Новгород с московским князем, то возьмет черный бор по новгородским волостям, один раз, по старым грамотам, а в иные годы черного бору ему не надобно. Король держит Новгород в воле мужей вольных,

по их старине и по крестной грамоте; целует крест ко всему Великому Новгороду за все свое княжество и за всю Раду литовскую. Между этими условиями с Казимиром не встречаем условия о праве короля раздавать волости, грамоты вместе с посадником, не лишать волостей без вины; нет условия о праве короля брать дар со всех волостей новгородских, о праве охотиться в известных местах, посылать своего осетреника и медовара; о праве посылать своего мужа за Волок; замечательно в договоре с Казимиром выражение «вольные люди», которое повторяют новгородцы, говоря о себе, чего не находим в прежних договорах с князьями Рюриковичами; наконец, должно заметить, что новгородцы требуют от Казимира присяги за Раду литовскую, о Польше не упоминается ни слова.

Отправивши послов в Литву, послали сказать псковичам: «Вашего посла к великому князю не хотим поднимать, и сами ему челом бить не хотим; а вы бы за нас против великого князя на коня сели, по своему с нами миродокончанию». Псков дал на это такой ответ: «Как вам князь великий отошлет складную грамоту, то объявите нам, мы тогда, подумавши, ответим». Но псковичи недолго думали и объявили московскому послу, что будут помогать великому князю.

Последний, узнав о победе литовской стороны, хотел испытать еще мирные средства и отправил в Новгород посла с жалованием и добрыми речами, «чтобы отчина его, новгородцы, от православия не отступали, лихую мысль из сердца выкинули, к латинству не приставали и ему бы, великому князю, челом били, да исправились, а он, великий государь, жалует их и в старине держит». Митрополит Филипп также послал увещательные грамоты: «Сами знаете, дети, с какого времени господари православные, великие князья русские начались; начались они с великого князя Владимира, продолжаются до нынешнего Иоанна Васильевича; они господари христианские русские и ваши господа, отчичи и дедичи, а вы их отчина из старины мужи вольные. Господин и сын мой князь великий сказывает, что жаловал вас и в старине держал и вперед жаловать хочет, а вы, сказывает, своих обещаний ему не исполняете... Ваши лиходеи наговаривают вам на великого князя: „Опасную-то грамоту он владыке нареченному дал, а между тем псковичей на нас поднимает и сам хочет на нас идти“. Дети! Такие мысли враг дьявол вкладывает людям: князь великий еще до смерти владыки и до вашего челобитья об опасной грамоте послал сказать псковичам, чтобы они были готовы идти на вас, если вы не исправитесь; а когда вы прислали челобитье, так и его жалование к вам тотчас пошло. И о том, дети, подумайте: царствующий град Константинополь до тех пор непоколебимо стоял, пока соблюдал православие; а когда оставил истину, то и впал в руки поганых. Сколько лет ваши прадеды своей старины держались неотступно; а вы при конце последнего времени, когда человеку нужно душу свою спасти в православии, вы теперь, оставя старину, хотите за латинского господаря закладываться! Много у вас людей молодых, которые еще не навыкли доброй старине, как стоять и побороть по благочестию, а иные, оставшись по смерти отцов ненаказанными, как жить в благочестию, собираются в сонмы и поощряют на земское неустроение. А вы, сыны православные, *старые* посадники новгородские и тысяцкие, и бояре, и купцы, и весь Великий Новгород, сами остерегитесь, старые молодых понаучите, лихих удержите от злого начинания, чтоб не было у вас латинские похвалы на веру православных людей».

Все эти увещания не помогли, надобно было садиться на коня. В мае 1471 года великий князь созывает на думу братьев своих, митрополита, архиереев, бояр и воевод, объявляет, что необходимо выступить в поход на новгородцев за их отступление, но спрашивает, выступать ли немедленно или ждать зимы, потому что земля Новгородская наполнена большими озерами, реками, болотами непроходимыми; прежние великие князья летом на Новгород не хаживали, а кто ходил, тот много людей терял. Решили выступить немедленно, и великий князь занялся распоряжениями к походу: беречь Москву и управлять Русскою землею во время отсутствия своего оставил сына Иоанна, при котором приказал быть брату

Андрею Васильевичу Старшему вместе с служилым татарским царевичем Муртозою. С собою в поход брал великий князь братьев – Юрия, Андрея Меньшого и Бориса, князя Михаила Андреевича Верейского с сыном и другого татарского служилого царевича – Даньяра; выпросил с собою в поход у матери дьяка ее, Степана Бородатого, знавшего хорошо летописи, умевшего приискать в них, что нужно к делу: на случай если придут новгородские послы, то Степан напомним ему, что говорить о их старых изменах, как они изменяли в давние времена отцам его, дедам и прадедам. В Новгород отправлен был посол с разметными грамотами, в Тверь – с просьбою о помощи, во Псков и Вятку – с приказом идти на новгородские владения. И прежде в летописях отражается нерасположение северо-восточного народонаселения к Новгороду: но теперь, при описании похода 1471 года, замечаем сильное ожесточение. «Неверные, – говорит летописец, – изначала не знают бога; а эти новгородцы столько лет были в христианстве и под конец начали отступать к латинству; великий князь пошел на них не как на христиан, но как на иноязычников и на отступников от православия; отступили они не только от своего государя – и от самого господя бога; как прежде прадед его, великий князь Димитрий, вооружился на безбожного Мамаю, так и благоверный великий князь Иоанн пошел на этих отступников».

Первый отряд под начальством князя Даниила Дмитриевича Холмского и боярина Феодора Давыдовича в числе 10000 выступил в начале июня к Русе; за ним пошел отряд под начальством князя Оболенского-Стриги вместе с Даньяровыми татарами к Вышнему Волочку и потом по Мсте; трое братьев великокняжеских и князь Верейский двинулись с полками каждый из своей отчины. Все эти войска вступили разными дорогами в Новгородскую землю и начали страшно опустошать ее: воеводам велено было распустить ратников по многим местам – жечь, пленить и казнить без милости жителей за их неисправление к своему государю, великому князю. Сам Иоанн выступил 20 июня с главными силами и царевичем Даньяром. 23 пришел в Волок, 29 остановился в Торжке, куда явились к нему воеводы тверские со многими людьми, явились и послы псковские с объявлением, что Псков сложил крестное целование к Новгороду.

К московскому князю приходила помощь с разных сторон; Великому Новгороду не было помощи ниоткуда; король Казимир не трогался; даже князь Михаил Олелькович, услышав о смерти брата своего, Семена, в Киеве, еще 15 марта уехал из Новгорода да на дороге пограбил Русу и от нее все места до самой границы; другого служилого князя своего, Рюрикovichа, князя Василия Шуйского-Гребенку, новгородцы отправили на защиту Заволочья; они послали просить помощи у Ордена, и магистр ливонский писал к Великому, что Орден должен помочь Новгороду, ибо если московский князь овладеет последним, то немцам будет грозить большая опасность. Но пока магистры пересылались, московский князь уже успел совершить опасное для них дело: передовые полки его под начальством князя Холмского сожгли Русу 23 июня и на берегу Ильменя, у Коростыни, побили отряд новгородцев, которые, приплыв озером, хотели нечаянно напасть на москвичей; но сзади, на реке Поле, явилась другая новгородская рать; московские воеводы побили и эту, возвратясь от Русы. Легко поверить новгородскому летописцу, что причиной неуспеха его земляков было раздвоение, господствовавшее в их городе: конная рать не пошла к пешей в срок на помощь, потому что полк владычний не хотел ударить на великокняжескую рать, говорил: «Владыка нам не велел на великого князя рук поднимать, он послал нас только на псковичей».

К псковичам в половине июня приехал московский посол понуждать их к немедленному походу. Они отослали складные грамоты в Новгород, а послу сказали: «Как только услышим великого князя в Новгородской земле, так и сядем на коней за своего государя». В Петров день приехал из Русы московский боярин Зиновьев и начал каждый день твердить псковичам: «Садитесь сейчас же со мною на коней, я к вам отпущен от великого князя, воеводой приехал». Зиновьев привел с собою сто человек дружины, и Пскову был боль-

шой убыток: много выходило корму на людей и на лошадей. И вот псковичи 10 июля тронулись в поход всем городом и пригородами под начальством сына своего князя-наместника, Василия Федоровича Шуйского, и четырнадцати посадников. Новгородцы, услышав об этом и безопасные со стороны Холмского, отвлеченного к реке Поле, решили выступить против псковичей и стали собирать огромное войско. Но уже из самого способа, каким набралось это войско, можно было предвидеть неудачу: приверженцы Литвы, затеявшие войну, силой выгнали в поход плотников, гончаров и других ремесленников, которые отроду и на лошадь не саживались; кто не хотел идти, тех грабили, били, бросали в Волхов. Таким образом набралось тысяч сорок войска и пошло под начальством степенного посадника Димитрия Борецкого по левому берегу Шелони навстречу псковичам; но не с ними оно встретилось. Великий князь 9 июля стоял у озера Коломны, недалеко от Вышнего Волочка, когда Холмской дал ему знать о битве на Поле и о своем движении к Демону; Иоанн немедленно же велел ему идти назад, к Шелони, для соединения с псковичами, а у Демона приказал стоять князю Верейскому. Холмской двинулся назад и 14 июля завидел полки новгородские, шедшие по той стороне Шелони; московские воеводы, несмотря на огромную разницу в числе войска (у них было немного более 4000, а у новгородцев – до 40000), решились вступить в битву: ратники их переправились через реку и ударили на новгородцев, которые не выдержали натиска и побежали; по новгородским же известиям, новгородцы прогнали москвичей за Шелонь, но западная рать татарская внезапно ударила на них и решила дело в пользу войск великокняжеских. Как бы то ни было, новгородцы потерпели страшное поражение, потеряли, по их счету, двенадцать тысяч убитыми и тысячу семьсот взятых в плен; в числе последних находился степенный посадник Борецкий вместе с другими воеводами; в обозе победители нашли и договорную грамоту новгородцев с Казимиром и отослали ее к великому князю.

С другой стороны, псковичи, узнавши, что новгородцы жгут их пограничные волости, выезжая из Вышгорода, осадили это место, начали бить пушками, стрелами стрелять, примет приметывать. Первый день новгородцы крепко оборонялись, но на другой день, видя, что у них нет ни запасов, ни воды, вышли со крестами на заборало и начали говорить осаждающим: «В чем вы избужены, то ведает государь наш и ваш, князь великий, и Великий Новгород; а вы бы над нами свое милосердие показали, мы же вам животворящий крест целуем», – и отдали весь псковский полон, даже стрелы, собравши их на городе или кругом заборал. Псковичи челобитье их приняли, кровь их пощадили, отступили от городка и занялись опустошением пограничных мест верст на 50 и больше. Не так был счастлив другой полуторатысячный отряд псковичей, собранный из охочих людей, которые отправились на север: за рекой Лютой, притоком Плюсы, ударили на них врасплох новгородцы и разбили наголову; но скоро весть о Шелонском поражении заставила победителей бежать с места победы.

Великий князь получил весть о победе, когда стоял в Яжолбицах, в 120 верстах от Новгорода; отсюда он двинулся к югу и стал против Демона, который сдался князю Верейскому, заплативши сто рублей окупа; от Демона Иоанн пошел к Русе и вступил в нее 24 июля; он ждал послов новгородских с челобитьем, потому что еще из-под Демона отпустил в Новгород гонца, иррезжавшего за опасной грамотой, но вместо того получил весть, что Новгород волнуется по-прежнему. Несмотря на Шелонское поражение, несмотря на то, что здесь литовская сторона лишилась предводителей своих, взятых в плен, несмотря на то, что гонец, посланный к Казимиру для понуждения его садиться поскорее на коня за Новгород, возвратился с печальной вестью, что магистр ливонский не пропустил его через свою землю (если магистру не нравилось господство московского князя над Новгородом, то еще более должно было не нравиться господство литовского князя по тогдашним отношениям обоих орденов к Казимиру), несмотря на все это, когда в Новгороде узнали, что Иоанн в Русе, то

встал сильный мятеж, сторожа заняли стены и башни, переменяясь день и ночь, а люди по-прежнему разделились: одни хотели за Москву, а другие – за Литву. Узнав об этом, Иоанн сильно рассердился и велел казнить Борецкого с тремя другими знатнейшими пленниками. «Вы за короля задаваться хотели», – сказал он им. Новгородцы приготовились защищаться, пожегши все посады около города, казнили переветника Упадыша, который с своими единомышленниками пять пушек железом заколачивал; но скоро увидели, что сопротивление не может быть продолжительно: хлеб вздорожал, рожь исчезла на торгу, можно было найти пшеничный хлеб, да и того мало. Тогда потребители ржаного хлеба поднялись на потребителей пшеничного, укоряя их за то, что они привели великого князя на Новгород; это значило, что московская сторона взяла верх, и вот нареченный владыка Феофил с старыми посадниками и житыми людьми поехал бить челом великому князю, который стоял уже при устье Шелони, на Коростыне. Феофил сначала обратился с челобитьем к князьям, боярам и воеводам, чтоб просили за Новгород братьев великокняжеских, а чтоб эти просили уже самого великого князя; митрополит из Москвы также писал, что если новгородцы придут с челобитьем, то чтоб великий князь утолил свой гнев. Иоанн принял новгородское челобитье, велел перестать жечь и пленить и дал мир Новгороду по старине; но за новгородскую проступку взял 15000 рублей деньгами в отчет, а серебром в отвес, кроме того, что передано было братьям великокняжеским, князьям, боярам, воеводам московским за ходатайство. В договоре, заключенном по старине, новгородцы обязались: «За короля и за великого князя литовского, кто на Литве ни будет, от вас великих князей (Иоанна и сына его) нам, вашей отчине Великому Новгороду, мужам вольным, не отдаться никакою хитростью и быть нам от вас неотступными ни к кому; князей нам у великого князя литовского на пригороды не просить и не принимать князей из Литвы в Великий Новгород. А на владычество нам выбирать по своей старине; ставиться же нашему владыке у гроба св. Петра-чудотворца в Москве у вас, великих князей, и у вашего отца митрополита, какой митрополит у вас в Москве ни будет; а в другом месте, кроме Москвы, нам владыки нигде не ставить».

Новгородцы начали переговоры с великим князем, еще не зная о другом своем несчастье: в Двинской области воевода их, князь Василий Шуйский, имея двенадцатитысячный отряд войска, встретился на берегах Двины с устюжским великокняжеским воеводою Образцом и вятчанами, у которых было менее 4000 войска: жаркая битва продолжалась целый день, секлись, схватывая друг друга за руки; двинский знаменщик был убит, знамя подхватил другой, убит был и этот, подхватил и третий, наконец убили и третьего, знамя перешло в руки москвичей, и двиняне дрогнули; князь Шуйский спасся бегством, раненый; новгородский летописец складывает вину поражения на двинян, говорит, что они не тянули по князе Шуйском. С другой стороны, вологодский воевода князя Андрея Васильевича Меньшого повоевал Кокшенгу. Заключая договор по старине, Иоанн возвратил Новгороду его заволоцкие владения, но при этом был сделан строгий перебор, и новгородцы должны были отдать все волости великокняжеские и ростовских князей, захваченные ими прежде и в последнюю войну. Таким образом, многие волости разделились пополам между Москвою и Новгородом, например Емец, Матигоры, Кур-остров, Чухчелема, Ухть-остров, Лисичь-остров; другие, которые прежде мы видели за Новгородом, отошли все к Москве без раздела, например Колмогоры, Ненокса, Уна и проч. Вся земля Новгородская, говорит летописец, до самого моря была пожжена и поплена, потому что опустошали ее не одни те войска, которые были с великим князем или его братьями, но изо всех земель московских ходили толпы за добычею в новгородские волости. Беды не прекратились и по отходе великокняжеских войск: жители Русы, бежавшие в Новгород во время войны, теперь отправились домой по Ильменю; но поднялась страшная буря и потопила их: погибло 90 учанов и 60 малых судов, в одном месте нашли 120 трупов. И не тут только природа объявила себя против Новгорода, за Москву; опасения, что трудно будет идти под Новгород летом по причине многих вод и болот, на

этот раз не оправдались; как нарочно, лето было знойное, от мая до сентября не упало ни капли дождя; не было нигде преграды московским ратникам, которые гнали скот по болотам и местам, прежде непроходимым.

1 сентября возвратился Иоанн в Москву: того же 1471 года в декабре приехал туда нареченный владыка новгородский Феофил и был посвящен; Феофил просил свободы новгородским пленникам, и великий князь исполнил его просьбу; отправил и наместников своих в Новгород по-прежнему. Казалось, что все уладилось, но так могло казаться только: длительное отсутствие великих князей, длительное невозможность для них заниматься внутренними делами Новгорода ослабили, привели в забвение, но не уничтожили прав их здесь; теперь же великий князь московский получил возможность дать силу этим правам. При ослаблении власти княжеской вследствие постоянной борьбы многих князей-соперников образовались стороны, также постоянно боровшиеся между собою; богатый боярин, имевший средства платить многочисленным вечникам, мог отважиться на все, мог отважиться вооруженною рукою мстить за свои оскорбления; иногда целые улицы, целые концы враждовали друг с другом, стоя за то или другое лицо, за того или другого чиновника гражданского; сила решала спор; предводитель восторжествовавшей стороны достигал должности посадника и в этом звании позволял себе мстить тем гражданам, тем улицам, тем концам, которые были против него. Что оставалось побежденным и слабым? Молчать и ждать благоприятных обстоятельств, ждать усиления своей стороны, которое подаст им возможность собраться на вече, низложить соперников и поступить с ними по их же примеру. В таком состоянии находились дела, когда великий князь был далеко, а наместников мало слушались. Но теперь, когда великий князь хотел и мог восстановить свое старинное значение верховного судьи, теперь стороне угнетенной не нужно было долго дожидаться удобного случая к низложению врагов своих: она могла отдать свое дело на решение великого князя. Посадник степенный Василий Ананьин с 18 другими боярами своей стороны, наехавши с многочисленным отрядом на две улицы, Славкову и Никитину, людей переграбил и перебил, многих даже до смерти, имения взял на тысячу рублей. В то же время староста Федоровской улицы Памфил вместе с двумя боярами, которые участвовали и в нападении на две упомянутые улицы, ударил на двор двух братьев, бояр Полинарьиных, людей у них перебил, имения пограбил на 500 рублей. Любопытно, что между виновниками этих насилий встречаем имена известных врагов Москвы: это обстоятельство может навести на мысль, что здесь действовали также и причины политические, что на эту борьбу должно смотреть как на продолжение борьбы двух сторон – литовской и московской. В нападении на Славкову и Никитину улицы участвовали: Селезевы – Матвей и Яков, которых брат Василий был казнен вместе с Димитрием Борецким; Андрей Телятев и Моисей Федоров; Павел Телятев и Яков Федоров были также схвачены в Шелонской битве и отсланы в Коломну; Афанасьевы, которых Иоанн, как увидим впоследствии, считал самыми жаркими приверженцами Литвы; наконец, в числе вельмож, на которых были поданы жалобы и которые были обвинены Иоанном, видим Федора Исакова Борецкого. Но если сообщники степенного посадника Ананьина были приверженцами Литвы, то можно заключить, что и сам посадник не был доброжелателем Москвы. Как бы то ни было, обиженные посадником и его товарищами послали жаловаться на них в Москву. Псковский летописец говорит, что житые и младшие люди сами призвали великого князя, потому что обижали их посадник и великие бояре, не знавшие над собою суда; но мы не можем принять этого известия без ограничения: кроме борьбы сословий тут мы видим и борьбу сторон, ибо между врагами Ананьина и товарищей его встречаем не одних житых и младших граждан, но также бояр Полинарьиных.

22 октября 1475 года Иоанн выехал из Москвы в Новгород, миром, но со многими людьми; в Вышнем Волочке встретил его посол от владыки Феофила с дарами, но тут же встретили его и жалобщики, какой-то Кузьма Яковлев с товарищами; отсюда до самого Нов-

города по всем станциям встречали его новгородские чиновники с подарками, начиная от подвойского до посадников, и между ними опять *жалобники многие*. За 90 верст до города встретил князя владыка Феофил, воевода новгородский, князь Василий Васильевич Шуйский и посадник степенный Ананьин со многими другими духовными, боярами и житыми людьми: владыка поднес две бочки вина, все остальные – по меху вина, и все были угощены обедом. Проведя месяц в дороге, 21 ноября Иоанн въехал в Новгород, встреченный посадниками, житыми людьми, множеством народа, и стал на Городище; владыка прислал двух чиновников своих распоряжаться доставкой съестных припасов ко двору великокняжескому; но великий князь не велел брать от них кормов и осердился на владыку, зачем прислал людей непригожих к делу, незначительных; владыка просил прощения чрез бояр, велел отпускать припасы наместнику своему, и тогда великий князь нелюбье отложил и пожаловал, велел брать кормы; владыка в день приезда бил челом Иоанну, звал его к себе обедать; но великий князь не пожаловал, не поехал и на другой день позвал к себе на обед владыку, посадника степенного, старых посадников, тысяцких и многих знатных людей; в тот же день нашло к нему множество жалобников, новгородцев и уездных людей; одни пришли просить приставов, чтобы не быть ограбленными от ратников, пришедших с великим князем, другие пришли с жалобами на свою же братию, новгородцев. «Потому что, – говорит летописец, – земля эта давно уже в своей воле жила, о великих князьях небрегла и не слушала их, и много зла было в ней: убийства, грабежи, домам разорение напрасное; кто кого мог, тот того и обижал».

23 ноября въехал Иоанн в *город* (крепость), где был встречен владыкою со всем духовенством, как приказал сам великий князь. В этот день он слушал обедню у св. Софии и обедал у владыки, причем получил дары: три постава сукон, 100 корабельников (червонцев), зуб рыбий да на проводях две бочки вина. На другой день пошли к великому князю с челобитьем, дарами и жалобами разные люди, а на третий явились главные жалобщики – две улицы, Славкова и Никитина, да братья Полинарьины – и жаловались в присутствии владыки, старых посадников, других бояр и житых людей. Иоанн сказал владыке и посадникам: «Ты, богомolec наш, и вы, посадники, объявите отчине нашей, Великому Новгороду, чтобы дали на этих обидчиков своих приставов, как я дал на них своих, потому что я хочу дело рассмотреть; и ты бы, богомolec мой, и вы, посадники, тогда у меня были: хочется мне обиженным управу дать». Новгородцы дали своих приставов, и в воскресенье 26 ноября обидчики и обиженные все стали перед великим князем на Городище в присутствии Феофила и старых посадников; начался суд, и было решено, что жалобы справедливы. Тогда великий князь велел взять обвиненных, главных посадить за приставами, товарищей их отдать на поруку крепкую, в 1500 рублях; архиепископ взял их на поруку. В то же время Иоанн выслал от себя вон и велел схватить Ивана Афанасьева с сыном за то, что советовали Новгороду отдаться за короля.

Прошел день, другой; на третий явился на Городище владыка и посадники бить великому князю челом от Великого Новгорода, чтобы пожаловал, смиловался, велел освободить посаженных бояр и отдать их на поруку. Великий князь челобитья не принял и сказал: «Известно тебе, богомольцу нашему, и всему Новгороду, отчине нашей, сколько от этих бояр и прежде зла было, а нынче, что ни есть дурного в нашей отчине, все от них; так как же мне их за это дурное жаловать?» В тот же день посадник Ананьин с тремя главными товарищами скованные были отправлены в Москву. Спустя несколько времени пришел опять Феофил с посадниками и многими другими людьми бить челом о помиловании тех товарищей Ананьиных, которые даны были на поруку; это челобитье великий князь принял, велел только взыскать с виноватых 1500 рублей истцовых убытков да свои судные пошлины (свою вину). По окончании этих дел, с 4 декабря, начались пиры у знатнейших новгородцев для великого князя и продолжались до 19 января: каждый хозяин дарил гостя ковшами золо-

тыми, деньгами, мехами, рыбьими зубьями, сукнами, ловчими птицами, вином, лошадьми. Те посадники и тысяцкие, которые не успели дать пиров для великого князя, подносили ему дары, какими хотели дарить на пирах; из купцов и житых людей не остался ни один, который бы не пришел с дарами, даже и *молодые* (незначительные) люди многие были у него с дарами и челобитьем; новоизбранный степенный посадник Фома Андреевич Курятник вместе с тысяцким поднесли ему 1000 рублей от всего Великого Новгорода. Во время пиров приехал шведский посол с просьбою о продолжении перемирия; великий князь пожаловал, велел владыке и Новгороду заключить с шведами перемирие по старине и с честью отпустил посла. При всех этих распоряжениях Иоанновых ни один из старых обычаев, ни одно из старых условий не были нарушены: перемирие с соседним государством было заключено владыкою и Новгородом, но с ведома и по приказанию князя; по жалобе новгородцев Иоанн судил, сменил и наказал посадника, ибо имел право верховного суда над всеми, имел право сменять чиновников, объявив только их вину; при этом Иоанн выполнил в точности старинный обычай: давши на обличенных своих приставов, требовал, чтобы Новгород дал также и своих; он заточил осужденного посадника и его товарищей в Москву, но и это была старина: Владимир Мономах, Святослав Ольгович заточали на юг бояр новгородских, и после в договорах это право не было отнято у князей. Иоанн не нарушил ни в чем старины, но давно уже новгородцы отвыкли от нее, ибо в продолжение многих веков великие князья не пользовались своими правами, а новгородцы, пользуясь настоящим, забыли и о прошедшем и о будущем.

Месяц ехал великий князь из Москвы в Новгород; гораздо скорее возвратился из Новгорода в Москву, ибо не был задерживаем на пути: 26 января выехал он из Новгорода, 8 февраля был уже в Москве. И здесь соблюдено было условие старинных договоров: «Когда князь, поедешь в Новгород, тогда тебе дары брать по постояниям (станциям); когда же поедешь из Новгорода, тогда дара тебе не надобно». В марте приехал в Москву владыка Феофил с боярами просить об освобождении заточенных новгородцев; Иоанн угостил владыку, но из заточенных не отпустил ни одного. Между тем многим понравилось искать защиты от обид на суде великокняжеском; ждать Иоанна, когда он опять приедет в Новгород, было долго, и вот забыли старинное условие: «На Низу новгородца не судить»; стали брать приставов и являться в назначенный срок в Москву на суд. В начале 1477 года приехал посадник Захар Овинов за приставом великокняжеским со многими новгородцами – одним отвечать, на других искать. Вслед за Овиновым приехали другие бояре и многие житые люди, также поселяне, монахини, вдовы и все обиженные, многое множество, искать удовлетворения в обидах и отвечать на жалобы других. «Этого не бывало от начала, – говорит летописец, – как земля их стала и как великие князья пошли от Рюрика на Киеве и на Владимире; один только великий князь Иван Васильевич довел их до этого».

Два шага было сделано; оставалось сделать третий, последний. Все было приготовлено: литовская сторона, пораженная бездействием Казимира, безмолвствовала без глав своих; народ начал смотреть на московского князя как на верховного судью; мало того, были в Новгороде люди, которых летописец называет приятелями князя московского; вече молчало. Но оно могло заговорить при первом удобном случае, при первой победе хана Золотой или Казанской Орды, и посадник все еще сидел в суде подле московского наместника; надобно было освободиться и от вече, и от посадника. Приехали двое послов новгородских, Назар Подвойский и Захар, вечевой дьяк, которые в челобитье назвали Иоанна государем, тогда как прежде, «с тех пор как земля их стала, – говорит летописец, – того не бывало, ни одного великого князя государем не называли, а только господином». Летописи не сообщают ясных подробностей, кем собственно и как устроено было это дело. В следующем же месяце (апреля 24) отправились послы из Москвы спросить владыку и весь Великий Новгород: «Какого они хотят государства? Хотят ли, чтоб в Новгороде был один суд государя,

чтобы тиуны его сидели по всем улицам, хотят ли двор Ярославов очистить для великого князя?» В некоторых летописях говорится, что послы назвали Иоанна государем по решению владыки, бояр, посадников, но без ведома Великого Новгорода; в других говорится, что новгородцы, услышав запрос посла московского, пограбили этих посадников и бояр, дворы, доспехи и всю ратную приправу у них отняли; известный нам Захар Овин оговорил другого боярина, Василия Никифорова, будто бы тот во время поездки своей в Москву присягнул там служить великому князю против Новгорода. 31 мая встал мятеж, собралось вече, пришли на Василия Никифорова, взяли его и привели перед народ, который закричал ему: «Переветник! Был ты у великого князя и целовал ему крест на нас!» Василий отвечал: «Целовал я крест великому князю в том, что буду служить ему правдою и добра ему хотеть, а не целовал я креста на государя своего, Великий Новгород, и на вас, своих господ и братьев». Его убили без милости, иссекли топорами на части; но потом убили и Захара Овина вместе с братом у владыки на дворе, сына Кузьмина замятво оставили, схватили и двоих других бояр. Луку Федорова и Феофилакта Захарьина, но, приведши на вече, пожаловали, взявши с них присягу, что будут хотеть добра Новгороду. С этого времени новгородцы взбесновались, как пьяные, по выражению летописца, посредничество псковитян отвергли, всякий начал толковать свое, и к королю опять захотели; но послов московских держали шесть недель с честью, с честью и отпустили, давши такой ответ великим князьям: «Вам, своим господам, челом бьем, но государями вас не зовем; суд вашим наместникам на Городище по старине, а тиунам вашим у нас не быть, и двора Ярославова не даем; хотим с вами жить, как договорились в последний раз на Коростыни; кто же взялся без нашего ведома иначе делать, тех казните, как сами знаете, и мы здесь будем их также казнить, кого поймаем; а вам, своим господам, челом бьем, чтоб держали нас в старине, по крестному целованию». Послы и преданные великому князю посадники отправились в Москву и объявили здесь о новгородских событиях. Иоанн пришел к митрополиту с вестью о клятвопреступлении новгородцев: «Я не хотел у них государства, сами присылали, а теперь запираются и на нас ложь положили». Тоже объявил матери, братьям, боярам, воеводам и по общему благословию и совету вооружился на отступников и крестного целования преступников новгородцев.

Услышав об этих вооружениях, новгородцы послали старосту одной из своих улиц в Москву бить челом об опасной грамоте для своих послов; но великий князь велел *опасчика* задержать в Торжке и, несмотря на осеннее время, спешил двинуть отовсюду многочисленные полки к Новгороду: 30 сентября послал он туда складную грамоту, а 9 октября выехал сам из Москвы, оставя здесь по-прежнему сына. Через десять дней великий князь стоял в Торжке; здесь ждали его два посланца новгородских с челобитьем об опасных грамотах, ждали его и два боярина новгородских, братья Клементьевы, с челобитьем о принятии в службу – верное предвещание для успеха! Пробыв четыре дня в Торжке, Иоанн выступил далее на Вышний Волочек, а отсюда пошел между Мстою и Яжелбицкою дорогою, и в то же время по разным другим дорогам двигались сильные полки московские, тверские, татарские. Прежде, когда Иоанн ходил в Новгород миром, на станциях являлись к нему знатные новгородцы с подарками; теперь они являлись к нему с челобитьем о принятии в службу; так, приехали к нему посадник Тучин, житый человек Савельев. Опасчиков, найденных в Торжке, великий князь велел вести с собою и, только будучи уже во 125 верстах от Новгорода, у Спаса на Еглине, велел им явиться *пред себя* и дал опасную грамоту. Но если великий князь спешил походом, то новгородцы спешили миром и, не дожидаясь прежних двух опасчиков, выслали третьего; Иоанн объявил ему, что опас уже дан, а сам уже между тем на Полинах, в 120 верстах от Новгорода, урядил полки, как быть в большом полку или в великокняжеском, как в передовом, как в правой и левой руке, и отпустил войска к Новгороду с приказанием занять Городище и монастыри, чтоб новгородцы не сожгли их. Находясь в 50 верстах от Новгорода, у Николы в Тухоле, Иоанн послал приказ псковичам идти на Новгород

ратью с пушками, пищальями, самострелами, со всею приправою, с чем к городу приступить, стать на устье Шелони и дожидаться дальнейших приказаний. В 30 верстах от Новгорода, на Сытине, 23 ноября явились к Иоанну владыка Феофил с посадниками и житыми людьми и стали бить челом: «Господин государь князь великий Иван Васильевич всея России! Ты положил гнев свой на отчину свою, на Великий Новгород, меч твой и огонь ходят по Новгородской земле, кровь христианская льется, смилуйся над отчиною своею, меч уйми, огонь утоли, чтобы кровь христианская не лилась: господин государь, пожалуй! Да положил ты опалу на бояр новгородских и на Москву свел их в свой первый приезд: смилуйся, отпусти их в свою отчину, в Новгород Великий». Великий князь не отвечал послам ни слова, но позвал их обедать. На другой день ходили они к брату великокняжескому Андрею Меньшому с подарками, чтоб просил брата за Новгород, и потом пришли к великому князю с просьбою, чтоб пожаловал, велел с боярами поговорить; великий князь выслал к ним троих бояр *на говорку*. Послы предложили им такие условия, чтоб великий князь ездил в Новгород на четвертый год и брал по 1000 рублей; велел бы суд судить наместнику своему и посаднику в городе, а чего они не управят, тому бы сам князь великий управу чинил, когда приедет на четвертый год, а чтоб позвов на Москву не было; чтоб князь великий не велел своим наместникам владычных судов судить и посадничьих; чтоб великокняжеские подданные в тяжбах своих с новгородцами судились пред наместником и посадником в городе, а не на Городище.

Вместо ответа великий князь велел воеводам своим придвинуться к Новгороду, занять Городище и подгородные монастыри и, получив весть, что приказание его исполнено, велел сказать послам: «Сами вы знаете, что посылали к нам Назара Подвойского и Захара, вечевового дьяка, и назвали нас, великих князей, себе государями; мы, великие князья, по вашей присылке и челобитью послали бояр спросить вас: Какого нашего государства хотите? И вы заперлись, что послов с тем не посылавали, и говорили, что мы вас притесняем. Но кроме того, что вы объявили нас лжецами, много и других ваших к нам неисправлений и нечести. Мы сперва поудержались, ожидая вашего обращения, посылали к вам с увещаниями; но вы не послушались и потому стали нам как чужие. Вы теперь поставили речь о боярах новгородских, на которых я положил опалу, просили, чтоб я их пожаловал, отпустил; но вы хорошо знаете, что на них бил мне челом весь Великий Новгород как на грабителей, проливавших кровь христианскую. Я, обыскавши владыкою, посадниками и всем Новгородом, нашел, что много зла делается от них нашей отчине, и хотел их казнить; но ты же, владыка, и вы, наша отчина, просили меня за них, и я их помиловал, казнить не велел, а теперь вы о тех же виноватых речь вставляете, чего вам делать не годилось, и после того как нам вас жаловать? Князь великий вам говорит: „Захочет Великий Новгород бить нам челом, и он знает, как ему нам, великим князьям, челом бить“».

Послы отправились назад, в Новгород, а следом за ними двинулся туда и великий князь Ильменем по льду; 27 ноября стал он под городом; в тот же и следующие дни подошли и все другие полки; 30 ноября Иоанн велел воеводам отпустить половину войска за кормами, с тем чтоб через десять дней все были в сборе под Новгородом, послал торопить и псковскую рать. Новгородцам стало очень тяжело, потому что неприятель расположился в их посадах и монастырях, обхвативши город с обеих сторон. Несмотря на то, они сначала сели все в осаде, устроивши себе по обе стороны Волхова и через самую реку на судах стену деревянную. Иоанн видел, что они укрепились хорошо, что если пойти под стену, то с обеих сторон головы станут падать, и потому не хотел брать города приступом, а решился стоять под ним до тех пор, пока голод и теснота заставят осажденных покориться. Чтоб в собственных полках при этом не было ни в чем недостатка, он приказал псковичам прислать муки пшеничной, рыбы, меду, выслать купцов своих со всяким другим товаром, что и было исполнено. В Новгороде между тем народ стал волноваться: одни хотели биться с великим князем, а другие покориться ему, и последних оказалось больше, чем первых. Вследствие этого 4 декабря

явился в московском стане опять владыка Феофил с посадниками и житыми; послы били челом, чтоб государь пожаловал, указал своей отчине, как бог положит ему на сердце свою отчину жаловать. Ответ был прежний: «Захочет наша отчина бить нам челом, и она знает, как бить челом». Послы отправились назад, в город, и на другой день возвратились с повинною, что действительно Новгород посылал в Москву Назара да Захара называть великого князя государем и потом заперся. «Если так, – велел отвечать им Иоанн, – если ты, владыка, и вся наша отчина, Великий Новгород, сказались перед нами виноватыми и спрашиваете, как нашему государству быть в нашей отчине, Новгороде, то объявляем, что хотим такого же государства и в Новгороде, какое в Москве». Послы просили, чтоб великий князь отпустил их в город подумать, и дано им два дня на размышление. 7 декабря послы возвратились с новыми просьбами, с новыми уступками: чтоб великий князь велел своему наместнику судить с посадником; чтоб брал каждый год дань со всех волостей новгородских по полугривне с сохи; чтоб держал пригороды новгородские своими наместниками, а суд был бы по старине; чтоб не было вывода и позвов из Новгородской земли; чтоб государь не вступался в боярские земли; чтоб новгородцам не было службы в Низовую землю, чтоб защищали они только свои рубежи. Великий князь велел отвечать им: «Сказано вам, что хотим государства в Великом Новгороде такого же, какое у нас государство в Низовой земле на Москве; а вы теперь сами мне указываете, как нашему государству у вас быть: какое же после этого будет мое государство?» Послы отвечали: «Мы не указываем и государству великих князей урока не кладем; но пожаловали бы государи свою отчину, объявили Великому Новгороду, как их государству в нем быть, потому что Великий Новгород низовского обычая не знает, не знает, как наши государи великие князья держат свое государство в Низовской земле». «Государство наше таково, – был ответ, – вечевому колоколу в Новгороде не быть; посаднику не быть, а государство все нам держать; волостями, селами нам владеть, как владеем в Низовой земле, чтоб было на чем нам быть в нашей отчине, а которые земли наши за вами, и вы их нам отдайте; вывода не бойтесь, в боярские вотчины не вступаемся, а суду быть по старине, как в земле суд стоит».

Шесть дней думали новгородцы об этом государстве; наконец 14 декабря владыка с посадниками явился и объявил, что вечевой колокол и посадника новгородцы отложили, только бы государь не выводил их, в вотчины их, земли, воды и в имущества не вступался, позвы отложил и службы им в Низовую землю не наряжал. Великий князь всем этим их пожаловал. Тогда они стали бить челом, чтоб государь дал крепость своей отчине, Великому Новгороду, крест бы целовал, и получили в ответ: «Не быть моему целованию»; просили, чтоб бояре целовали крест, – и в том получили отказ; просили, чтоб по крайней мере будущий наместник присягнул, – отказано и в этом; наконец, просили, чтоб великий князь позволил им возвратиться в город и опять подумать, – и этого позволения не дано. Прошло тринадцать дней, прошел праздник Рождества Христова, владыка с посадниками все жил в стане московском, а между тем последний служивый князь новгородский, Василий Васильевич Шуйский, сложил к новгородцам крестное целование на имя великого князя; и новгородцы из страха перед последним не смели ни слова молвить Шуйскому, который безопасно оставался у них после того два дня. Наконец 29 декабря владыка и другие послы сказали боярам московским: «Если государь не жалует, креста не целует и опасной грамоты нам не дает, то пусть сам объявит нам свое жалованье, без боярских высылки». Иоанн велел им войти к себе и сказал: «Просили вы, чтоб вывода, позва на суд и службы в Низовую землю не было, чтоб я в имения и отчины людские не вступался и чтоб суд был по старине, всем этим я вас, свою отчину, жалую». Послы поклонились и вышли. Но скоро нагнали их бояре и начали говорить: «Великий князь велел вам сказать: Великий Новгород должен дать нам волости и села, без того нам нельзя держать государства своего в Великом Новгороде». Послы отвечали: «Скажем об этом Новгороду». Новгород предложил две волости:

Луки Великие и Ржеву Пустую; великий князь не взял; предложили десять волостей – не взяли и их; тогда послы сказали, чтоб сам великий князь назначил, сколько ему надобно, волостей; Иоанн назначил половину волостей владычных и монастырских и все новоторжские, чьи бы ни были. Новгородцы согласились, но просили, чтоб половина монастырских волостей была взята только у шести богатых монастырей, у остальных же, бедных, малоземельных, не брать. Великий князь исполнил их просьбу; пожаловал и владыку: вместо половины волостей взял у него только десять. Затем начались переговоры о дани: сначала великий князь хотел брать по полугривне с *обжи*: новгородскую обжу составлял один человек, пашущий на одной лошади; три обжи составляли соху; пашущий на трех лошадях и сам-третей составлял также соху. Но владыка от всего города стал бить челом, чтоб великий князь смиловался, брал бы по семи денег с трех обжей один раз в год; Иоанн согласился брать, однажды в год по полугривне с сохи со всех волостей новгородских, на Двине и в Заволочье, на всяком, кто пашет землю, на ключниках, старостах и холопях одерноватых. Владыка просил также, чтобы великий князь не посылал по новгородским волостям своих писцов и данщиков, потому что это тяжело будет христианству: положил бы государь это дело на новгородскую душу; новгородцы скажут сами, сколько у кого будет сох, сами соберут дань и отдадут по крестному целованию, без хитрости тому, кому великие князья прикажут; а кто утаит хотя одну обжу и будет уличен, того пришлют к государям на казнь. Иоанн исполнил и эту просьбу, после чего велел очистить для себя двор Ярославов и объявить новгородцам присяжную запись, на которой они должны были целовать ему крест. 13 января 1478 года пришел к великому князю владыка со многими боярами, житыми, купцами и принес присяжную запись; писал ее дьяк владычный, подписал владыка собственною рукою и печать свою приложил, приложили по печати и со всех пяти концов. В тот же день в стане целовали крест на этой записи многие бояре, житые и купцы перед боярами великокняжескими, которые заставили их также обещаться на словах не мстить псковичам за помощь их Москве, не мстить тем боярам и женам их и детям, которые служат великому князю, отказаться от пригородов, Двинской области и Заволочья. Присягнувши, новгородцы просили бояр, чтобы Иоанн сказал им всем вслух свое милостивое слово, и слово это было им сказано: «Даст бог, вперед тебя, своего богомольца, и отчину нашу, Великий Новгород, хотим жаловать». 15 января приехал в Новгород князь Иван Юрьевич Патрикеев с четырьмя другими московскими боярами и созвал весь Новгород в палату, а не на площадь, потому что с этого дня вече уже не было более в Новгороде; Патрикеев начал говорить: «Князь великий Иван Васильевич всея Руси, государь наш, тебе, своему богомольцу владыке, и своей отчине, Великому Новгороду, говорит так: ты, наш богомолец, и вся паша отчина, Великий Новгород, били челом нашим братьям, чтобы я пожаловал, смиловался, нелюбье с сердца отложил; и я, князь великий для братьев своих, пожаловал вас, нелюбье отложил. И ты бы, богомолец наш, и отчина наша, на чем добились нам челом, и грамоту записали, и крест целовали, то бы все исполняли; а мы вас вперед хотим жаловать по вашему исправлению к нам». После этой речи московские бояре стали приводить лучших новгородцев к присяге на владычном дворе, а по концам посланы были для этого дети боярские и дьяки; целовали крест все, не исключая жен и людей боярских; тут, при крестном целовании, взята была и грамота, которую новгородцы написали и укрепили между собою за 58 печатями. 18 января били челом великому князю в службу бояре новгородские и все дети боярские и житые люди. 20 января отправлена была в Москву грамота, что великий князь отчину свою, Великий Новгород, привел во всю свою волю и учинился на нем государем, как и на Москве. Наместниками в Новгороде были назначены князь Иван Васильевич Стрига да брат его, Ярослав, Оболенские, а через несколько дней приданы были к ним еще двое наместников. Оболенские поместились на дворе Ярославовом, сам же великий князь продолжал жить в стане и два раза только въезжал в Новгород для слушания обедни у св. Софии, потому что в городе был мор. Перед отъездом

Иоанн велел схватить старосту купеческого Марка Панфильева, боярыню Марфу Борецкую со внуком ее Василием Федоровым, еще пятерых новгородцев и отвезти их в Москву, имение отписать на себя; забраны были и все договоры, когда-либо заключенные новгородцами с князьями литовскими. 17 февраля тронулся Иоанн из стана, 5 марта приехал в Москву; за ним привезли из Новгорода вечевой колокол и подняли на колокольню на площади кремлевской звонить вместе с другими колоколами.

Но не вдруг мог забыть Новгород свой прежний быт, и противная Москве сторона ждала только первого удобного случая, чтоб снова подняться. Этот удобный случай не замедлил представиться, когда в 1477 году хан Золотой Орды в союзе с Казимиром литовским начал грозить Москве нашествием и когда братья великого князя хотели также воспользоваться этим случаем для возвращения себе старых удельных прав. Иоанну дали тайно знать, что многие новгородцы пересылаются с Казимиром, зовут его к себе, пересылаются и с немцами, король обещал явиться с полками и послал, с одной стороны, к хану Золотой Орды звать его на Москву, а с другой – к папе с просьбою о денежном вспоможении для успеха в деле, которое неминуемо повлечет за собою присоединение важной области к римской церкви. Папа назначил на военные издержки сбор со всех церквей польских и литовских. Иоанн хотел предупредить Казимира и заставить врасплох новгородцев: взяв с собою только тысячу человек, он отправился 26 октября к Новгороду *миром*, а между тем под предлогом войны с немцами велел сыну набирать войска и спешить за собою следом; заставы были расставлены повсюду, дабы в Новгороде не узнали о наборе и приближении многочисленной рати. Несмотря на то, в Бронницах он получил весть, что новгородцы затворились и не намерены пускать его миром. Тогда Иоанн дождался полков своих и приступил к городу, в котором по-прежнему имел многочисленных приверженцев: они не хотели биться и перебежали к москвичам; архиепископ послал за опасною грамотою, но Иоанн отвечал: «Я сам опас для невинных и государь ваш; отворите ворота: когда войду в город, невинных ничем не оскорблю». А между тем разрушительная стрельба из пушек не прекращалась. Наконец ворота отворились, и владыка, посадник, тысяцкий (ибо новгородцы поспешили восстановить свои древние формы правления), старосты пяти концов, бояре и народ вышли навстречу к великому князю, пали ниц и просили прощения. Иоанн благословился у архиепископа и сказал во всеуслышание: «Я, государь ваш, даю мир всем невинным, не бойтесь ничего!» – и отправился по обычаю к св. Софии, а потом в дом Ефима Медведева, нового посадника, где и остановился. В тот же день 50 человек главных врагов Москвы были захвачены и пытаны. Тут только великий князь узнал об участии владыки в заговоре и о сношениях братьев своих с новгородцами. Феофил был взят и отослан в московский Чудов монастырь под стражу, богатство его отобрали в казну; 100 главных заговорщиков подверглись смертной казни. 100 семей детей боярских и купцов разосланы по низовым городам. Но и этим дело не кончилось: в 1481 году схвачены были четверо новгородских бояр; вражда сторон продолжалась, и следствием было то, что в 1484 году сами же новгородцы прислали донос в Москву, что некоторые из их сограждан пересылались с королем; по этому доносу человек тридцать больших и житых людей было схвачено, дома их разграблены, сами подвергнуты пытке; когда их приговорили к смертной казни, то перед виселицею стали они прощаться друг с другом и каяться, что напрасно клепали друг друга на пытке. Услыхав об этом, великий князь не велел их вешать, но велел сковать и посадить в тюрьму, а жен и детей их послать в заточение. В то же время была схвачена и разграблена Настасья, славная и богатая, по выражению летописца, взят и пограблен был также Иван Кузьмин, который во время новгородского взятия с тридцатью слугами убежал в Литву, но король не оказал ему никакой милости, слуги отстали от него, и он сам-третей прибежал назад, в Новгород, где и был схвачен. В том же 1484 году принужден был по болезни оставить архиепископию владыка Сергей, посвященный в Новгород на место Феофила из старцев Троицкого Сергиева монастыря. Московские летописцы

говорят, что новгородцы не хотели покориться Сергию, ибо он не по их мысли ходил; не могли ничего сделать над ним явно, они волшебством отняли у него ум, говоря, что Иоанн-чудотворец наказал его. Новгородские же и псковские летописцы рассказывают, будто бы Сергий стал притеснять игумнов и священников, ввел новые пошрины, будто бы, заехав на дороге в Сквородский Михайловский монастырь, от гордости, потому что приехал из Москвы к гражданам плененным, не захотел вскрыть гроб похороненного тут новгородского владыки Моисея и будто бы с этих пор нашло на него изумление: иногда видали, как он сидел на Евфимьевской паперти в одной ряске без мантии, а иногда видали его в полдень сидящим в том же виде у св. Софии. По другому рассказу, новгородские владыки начали являться Сергию то во сне, то наяву с укором, как он смел принять святительское поставление при жизни своего предшественника, не уличенного в ереси, но изгнанного неправдою; когда же он презрел этими укорами, то невидимая сила поразила его и на некоторое время лишила употребления языка. В 1487 году переведено из Новгорода во Владимир 50 семей лучших купцов. Тогда же выехала из Новгорода и московская ратная сила, стоявшая здесь 17 недель. В 1488 году привели из Новгорода в Москву больше семи тысяч житых людей за то, что хотели убить наместника великокняжеского Якова Захарьича; некоторых Яков казнил еще в Новгороде, других казнили в Москве, остальных отправили на житье в Нижний, Владимир, Муром, Переяславль, Юрьев, Ростов, Кострому и другие города; на их место посланы в Новгород из Москвы и других городов низовых дети боярские и купцы.

В одно время с окончательным прекращением новгородских смут через вывод лучших граждан окончательно усмирена и древняя колония новгородская – Вятка, и тем же самым средством. Еще в 1466 году вятчане ратью прошли мимо Устюга на Кокшенгу, утаившись от городских сторожей; шли по Сухоне-реке вверх, воевали Кокшенгу, а назад шли Вагою вниз. Наместник устюжский Сабуров послал гонца в Москву с вестью об этом, и великий князь велел перехватить вятчан; Сабуров действительно перенял их под Гледеном; но вятчане дали ему хорошие подарки и, простоявши три дня, спокойно отправились домой. В 1469 году, во время похода на Казань, московские воеводы требовали от вятчан, чтоб шли с ними вместе, и получили ответ: «Казанский хан неволею заставил нас поклясться, что не будем помогать ни ему на великого князя, ни великому князю на него»; на второе же требование воевод вятчане отвечали, что, когда пойдут в поход братья великого князя, тогда пойдут и они. Не знаем, какое следствие имело для вятчан такое поведение их; знаем только, что, не помогши против Казани, они помогли Москве против Новгорода. В 1485 году повторилось прежнее явление: во время похода на Казань вятчане, по словам летописца, отступили от великого князя, который послал на них воеводу Юрия Кутузова с большою силою; тот помирился с ними, и они опять возвратились в московское подданство; но под следующим годом другой летописец рассказывает, что вятчане приходили на Устюг и стояли под городом Осиновцем, но что воевода их Костя начальствовал ими поневоле и, воспользовавшись случаем, ушел в Осиновец, а оттуда – в Москву. Митрополит два раза писал к вятчанам увещательные грамоты. «Называетесь вы именем христианским, – писал он, – а живете хуже нечестивых: святую церковь обижаете, законы церковные старые разоряете, господарю великому князю грубите и пристааете к его недругам издавна, с поганством соединяетесь, да и одни, сами собою, отчину великого князя воюете беспрестанно, христианство губите, церкви разоряете, а челом государю за свою грубость не бьете. Великий князь вас жаловал, слушаясь нашего смирения, потому что я молил его о вас со многими слезами; но от вас нет никакого исправления. И я теперь уже в последний раз послал к вам: „Бейте челом великому князю за свою грубость, пограбленное все отдайте, пленных отпустите. Если же не послушаете нас, то кровь христианская вам отоляется; священники ваши церкви божию затворят и пойдут вон из земли; если же так не сделают, то будут и сами от нас прокляты“». Увещания митрополита не помогли, и в 1489 году, подчинивши себе Казань, великий князь

послал на вятчан шестидесятичетырехтысячную рать под начальством двух главных воевод – князя Даниила Щени и Григория Морозова. 16 августа воеводы подступили под Хлынов, а на другой день вятчане, большие люди, вышли бить им челом, чтоб рать земли Вятской не воевала, «а мы великому князю челом бьем, покоряемся на всей его воле, дань даем и службу служим». Воеводы отвечали: «Целуйте же крест великому князю от мала до велика, а изменников и крамольников выдайте головами: Ивана Аникиева, Пахомья Лазарева, Палку Богодайщикова». Вятчане сказали на это: «Дайте нам, господа, сроку до завтра, мы это ваше слово скажем всей земле Вятской». Срок им дали, вятчане думали два дня, но на третий отказали воеводам, что не выдадут тех трех человек. Тогда воеводы велели всей силе своей готовиться к приступу: ставить по городу плетень, запастись смолою и берестою; но вятчане, видя свою погибель, добились челом на всей воле великого князя и выдали изменников. Воеводы развели всю Вятку, взяли лучших людей, купцов и отправили их с женами и детьми в Москву. Великий князь велел Аникиева, Лазарева и Богодайщикова бить кнутом и повесить, а других вятчан пожаловал, дал им поместья в Боровске, Алексине и Кременце, и написались они в слуги великому князю, купцов же поселили в Дмитрове. Вместе с вятчанами привезены были в Москву и туземные вотякские, или арские, князья; но великий князь отпустил их на родину.

Псков удержал на время свою старину благодаря постоянному старанию угодить великому князю, покорностью утишать гнев его. Еще Василий Темный незадолго до кончины своей прислал во Псков наместником князя Владимира Андреевича не по псковскому прошению, не по старине; псковичи, однако, приняли его с честью и посадили на княжение. Но в следующий год – год вступления на престол Иоанна III – они выгнали князя Владимира, потому что приехал не по старине, псковичами не позван и на народ не благ. Столкнувшись со ступени на вече, с бесчестьем поехал Владимир в Москву жаловаться великому князю, поехали за ним и псковские послы оправдываться. Три дня Иоанн не пускал их к себе на глаза, наконец принял их челобитье и велел сказать Пскову: «Какого князя псковичи захотят, и я им его дам, пусть пришлют ко мне грамоту с боярином». Псковичи выпросили себе князя Ивана Александровича Звенигородского, потом князя Федора Юрьевича, которому дали держать наместников на двенадцати пригородах, тогда как прежде княжие наместники бывали только на семи пригородах. Мы видели, как беспрекословно принимали псковичи решения великого князя и митрополита касательно отношений своих к новгородскому владыке, как потом беспрекословно ходили на Новгород вместе с полками московскими. Иоанн твердил псковским послам: «Какой мой князь будет вам надобен в наместники, того я к вам отпущу, только не бесчестите тех наместников, которые будут дурно с вами поступать: мое дело – их наказывать, а я вас, свою отчину, жалуя». Помня этот наказ, псковичи в 1472 году послали к великому князю просить к себе в наместники князя Ивана Стригу-Оболенского, потому что князь Федор Юрьевич начал дурно вести себя во Пскове и сам стал засылать грамоты к великому князю. Узнавши, что псковичи послали в Москву жаловаться на него и просить себе другого князя, Федор на другой же день вышел на вече, сложил с себя крестное целование и выехал из города. Псковичи, чтоб оправдать себя вполне в глазах Иоанна, послали посадника, детей боярских и сотских провожать с честью князя Федора до рубежа, с хлебом, вином, медом; но как скоро Федор подъехал к границе, то силою завел за нее псковских провожатых, отнял лошадей, самих ограбил и чуть-чуть не нагих отпустил во Псков. Иоанн дал псковичам брата Стригина, князя Ярослава Васильевича Оболенского, потому что Стрига ему самому был нужен. В 1474 году, оказав Пскову деятельную помощь против немцев, Иоанн ждал больших послов с благодарностью, но вместо них приехал гонец. Гонец этот возвратился во Псков с вестью, что великий князь сильно сердит, тогда псковичи послали к своему государю в Москву князя-наместника Ярослава Васильевича, троих посадников, бояр изо всех концов и поминку 100 рублей; но Иоанн сослал их с подворья, на глаза к себе

не пустил, дара не принял, и послы, простоявши пять дней шатром на поле, без ответа приехали назад, во Псков. Вслед за ними приехал посол великокняжеский с приказом Пскову сейчас же отправлять новых послов в Москву, и поехали трое других посадников, повезли 150 рублей в подарок; этих послов Иоанн принял и дал такой ответ: «Рад свою отчину по старине держать, если мне положите прежних великих князей грамоты пошлинные».

Это было в конце лета, а в конце осени приехал во Псков из Москвы наместник князь Ярослав и начал просить у Пскова суд держать не по псковской старине; псковичи отправили в Москву послов со старыми грамотами, но великий князь, посмотревши в грамоты, сказал: «Это грамоты не самих князей великих, и вы бы исполнили все то, чего князь Ярослав просит». Псковичи отвечали: «Нам нельзя так жить, как теперь просит князь Ярослав, не по нашим старинам». Иоанн обещал прислать во Псков своего посла для решения дела, которое тянулось уже целый год. В конце 1475 года великий князь приехал в Новгород на суд и на управу; в то время как он осудил новгородских посадников и бояр, явилось к нему четверо посадников псковских с 50 рублями дара и с челобитьем, чтоб держал Псков по старине. Иоанн велел послам дожидаться их князя Ярослава, которому псковичи дали 20 рублей, чтоб просил за них великого князя; но Ярослав, приехавши в Новгород, стал жаловаться Иоанну на посадников и на Псков, вследствие чего вместе с ним приехали во Псков послы великокняжеские и объявили вече: «Просите прощения у князя Ярослава, в чем пред ним провинились, и дайте ему все суды и пошлины, которых он просит; если же не сделаете так, то будете ведаться с государем вашим, великим князем. Он дал нам только пять дней срока приехать и отъехать». Псковичи исполнили требование великого князя и дали на вече Ярославу 130 рублей, за все сполна.

Ярослав начал пользоваться псковскими уступками, и в половине 1476 года бояре из всех концов поехали в Москву с грамотою жалобною бить челом с плачем великому князю, чтоб сослал с своей отчины князя Ярослава, а дал бы ей князя Ивана Александровича Звенигородского, потому что князь Ярослав притесняет весь Псков, а наместники его то же делают по пригородам и волостям. Великий князь обещал прислать своего посла разобрать дело, но псковичи боялись, что на этом суде будет больше обращать внимания на донесения князя Ярослава, чем на их старины. Между тем во Пскове вследствие всеобщего озлобления на князя Ярослава вспыхнуло волнение, какого, по словам летописца, никогда не бывало, ни при одном князе: вез какой-то пскович с огорода капусту через торг, мимо княжеского двора; один из княжеских слуг схватил кочан и дал княжому барану, и за это началась ссора у псковичей с княжескими слугами, от ссоры дело дошло до драки: слуги наместничьи стали колотиться ножами, псковичи – отбиваться камнями; княжеские слуги пошли на весь мир с ножами на торг, а иные с луками и начали стрелять, другие – ножами колотиться, псковичи оборонялись кто камнем, кто деревом и убили княжеского повара; сам князь Ярослав, пьяный, в панцире, выскочил и начал стрелять. Весть о побоище пронеслась по всему городу, и вот пошли на торг посадники, бояре, житые люди с оружием, но уже время было к вечеру, и князь с своими слугами пошел на сени, укрошенный добрыми людьми; разошлись и псковичи, из которых многие умерли от ран. Ночью, однако, вооруженные посадники и житые люди всем Псковом держали стражу на торгу, слыша от княжих слуг угрозу, что зажгут город и во время пожара будут бить псковичей. На другое утро псковичи поставили вече и отреклись князю Ярославу, стали провожать его из Пскова, а к великому князю послали грамоту, прописав в ней все, что случилось; но Ярослав из Пскова не едет, дожидается посла от великого князя, и псковичи ждут того же; Ярославу ничего не делают, не мстят ему за его насилия. Наконец явились из Москвы два боярина с такими речами: «Псковичи на князя Ярослава жаловались, а прежде, как великий князь был в Новгороде, они на него не жаловались; тогда как князь Ярослав и тогда на Псков жаловался, и прежде, и теперь опять жалуется; если псковичи не выдадут людей, осужденных по пригородам, то великий князь, моля бога и пречистую

его мать, сам все исправит; а Ярослава князь великий оставляет на столе во Пскове». Две недели бояре толковали со Псковом, выпрашивали тех людей, которых наместники Ярославовы без суда поковали, а Псков расковал, и тех, которые князю какое слово молвили; псковичи не выдали их и дали такой ответ: «Которых людей вы у нас головами выпрашиваете, тех не можем выдать по старине и пошлине, как бывало при прежних государях, то люди правые, а что вы князя Ярослава у нас на столе сажаете, то ведаёт государь наш князь великий, а мы с Ярославом быть не можем, если он так же будет насильничать, как и прежде; шлем ещё послов бить челом нашим государям о старинах». Старшему послу, Ивану Товаркову, псковичи дали 15 рублей, дьяку – 5 рублей, младшему послу Юрию Шестаку – 10 рублей; но Юрий десяти рублей не принял. И все это псковское добро их не тронуло, говорит летописец: приехавши на рубеж, всех провожатых ограбили, лошадей и платье отняли, самих прибили да и деньги отняли; давно в Пскове не бывало таких послов: ничем их нельзя было удобрить, в две недели стоили они 60 рублей, кроме даров. Мы видели, что псковичи обещали отправить новых послов к Иоанну бить челом о сохранении старины; великий князь заставил этих послов дожидаться четыре недели и наконец дал такой ответ: «Если псковичи на двор нашего наместника, а своего князя нападали, то сами из старины выступили, а не я, князь великий». В феврале 1477 года князь Ярослав получил из Москвы грамоту, в которой приказывалось ему ехать туда со всем двором, а в Пскове не оставлять никого. Псковичи со страхом ожидали, что из этого будет. И хотя такого злосердого князя ещё у них не было, однако высылали ему на всякий стан корм из города с честью; а он нарочно на сорока верстах ночевал пять ночей, чтоб побольше изубыточить Псковскую волость, на последнем же стане схватил и отвел 18 человек приставов, которые возили к нему съестные припасы и чествовали его. Псковичи, впрочем, боялись напрасно: Иоанн собирался в это время покончить с Новгородом, потому принял милостиво псковских послов, привезших ему в дар 100 рублей, и сказал им, что пришлет во Псков своих бояр, которые устроят все дела; захваченных Ярославом людей всех отпустил, а самого Ярослава не пустил к себе на глаза во все то время, как псковские послы были в Москве. Наместником во Псков назначен был князь Василий Васильевич Шуйский.

В награду за помощь против Новгорода великий князь прислал во Псков поклон и позолоченный кубок; посол его, Василий Китай, объявил от его имени на вече: «Я, князь великий, хочу держать вас, свою отчину, в старине, а вы бы также слово наше и жалованье держали честно: знайте это и помните...» Псковичи отправили к нему своих послов бить челом за жалованье и за подарок и вместе жаловаться на послов, что по дороге, по станам и по подворью в городе обижают жителей, подарков просят не по псковской силе, с гневом и со враждою, а что им Псков с челобитьем начнет на вече давать, того не принимают, с вечера бегают и в сердцах много причиняют христианам убытков и истомы. Но великий князь за эту жалобу только рассердился на Псков, потому что бояре сказали ему совсем другое. Псковичи немного выиграли от перемены наместника: Василий Шуйский, по словам летописца, был князь невоинственный и грубый, только и знал, что пил да грабил, и много всей земле грубости наделал. Неизвестно, каким образом сменен был Шуйский и на его место прислан опять князь Ярослав Васильевич Оболенский, при котором с 1483 года начались опять сильные волнения: псковичи посекали дворы у шести посадников и у многих других; в следующем году сельские жители, смерды, отказались исполнять свои обычные работы для города; псковичи посадили троих из них в тюрьму и тогда же закликали посадников и написали на них *мертвую грамоту*, т. е. объявили осужденными на смертную казнь, за то, что они вместе с князем Ярославом написали новую грамоту и положили ее в ларь без псковского ведома; одного из посадников, Гаврилу, убили на вече всем Псковом. Опять, следовательно, псковичи накликali на себя гнев великокняжеский, и когда в конце 1484 года послы их приехали в Москву с челобитьем, чтоб их держали в старине, то Иоанн с сердцем приказал смердов

отпустить, посадников *откликать*, имение их отпечатать и у князя Ярослава просить прощения. «Тогда только можете мне бить челом, тогда я о вашем добре стану думать», – сказал великий князь. Послы возвратились и объявили на вече приказ Иоаннов, но черные люди не поверили и отправили в Москву новых послов, которые приехали с прежним ответом. Черные люди и этим не поверили, говоря, что послы согласились объявлять все одно и то же челобитью посадников, сбежавших в Москву, потворствуют им; видно, что и во Пскове, как в Новгороде, было разделение на две стороны: сторону лучших и сторону меньших людей. Встал сильный мятеж, началась брань между лучшими людьми – посадниками, боярами, житыми – и чернью; первые хотели исполнить требование великого князя, отпустить смердов, откликать посадников, выкинуть из ларя мертвую грамоту и бить челом князю Ярославу, чтоб ходатайствовал за них в Москве; боялись они от великого князя казни, потому что без повеления перед его послом смерда казнили и посадника Гаврилу убили. Но черные люди молодые говорили им: «Мы во всем правы, и не погубит нас за это князь великий, а вам не верим, и князю Ярославу не за что нам челом бить». После долгих споров отправили в Москву двоих гонцов из молодых (незначительных) людей с такими речами: «Как нам, господарь, укажешь, и мы все по твоей воле сделаем с смердами и посадниками, а потом наши большие послы будут с челобитьем». Все это черные люди сделали наперекор посадникам и житым, послали, не исполнивши ничего, что приказывал великий князь. Но двое гонцов их были убиты в Тверской земле разбойниками, тогда весною 1485 года псковичи послали в Москву посадников и бояр, на челобитье которых великий князь отвечал с большим гневом: «Если моя вотчина приказ мой исполнит и потом станет просить прощения, то я буду вас жаловать как должно». На этот раз псковичи послушались, отпустили смердов, мертвую грамоту из ларя выкинули, имение и дворы отпечатали. Осенью отправились опять в Москву посадники и бояре вместе с князем Ярославом и повезли 150 рублей; великий князь пожаловал, объявил им, что отчину свою будет держать в старине. Это уже четвертые послы, говорит летописец, да пятых разбойники тверские убили, а все это слали псковичи по делу о смердах и много убытка потерпели, рублей 1000 издержали, да вся земля мялась два года. Но и этим дело не кончилось; спустя немного времени случилось одному священнику разбирать грамоты у наровских смердов, и нашел он ту грамоту, в которой говорилось, как смердам из веков вечных князю и Пскову дань давать и всякие работы урочные отправлять; от этой-то грамоты и произошла вся беда, потому что смерды, утаивши ее, не пошли на работу; псковичи не знали, как бывало в старину, а смерды обманули великого князя, наказали ему все не так. Смерд, увидавши грамоту в руках священника, вырвал ее у него; священник объявил об этом, и псковичи посадили смерда под стражу; с тех пор начали являться к посадникам и ко всему Пскову из города, пригородов и волостей челобитчики на самого князя Ярослава и на его наместников. Посадники и весь Псков набрали бесчисленное множество жалоб, написали грамоты и отправили летом 1486 года послов в Москву, посадников, бояр да обиженных по два человека с пригорода. Послы приехали бить челом великому князю и объявили о смерде, что грамоту утаил: «Мы теперь его под стражею держим, и как нам, господарь, укажешь?» Великий князь, взглянув на них ярым оком, сказал: «Давно ли я вам простил за дело о смердах, а теперь вы опять начинаете?» – и не принял ни одной жалобы на Ярослава. Это было последнее занесенное в летопись посольство из Пскова в Москву по делам внутреннего управления.

И Рязань сохранила свою самостоятельность по имени только, потому что на самом деле беспрекословно подчинялась распоряжениям великого князя московского. Мы видели, что это подчинение началось еще при Василии Темном, который взял к себе на воспитание малолетнего рязанского князя Василия, а для управления Рязанью назначил своих наместников. В 1464 году Иоанн III отпустил молодого князя в Рязань, но Василий скоро возвратился в Москву для того, чтоб жениться здесь на сестре великокняжеской, Анне. В 1483 году

он умер, оставя двоих сыновей, Ивана и Феодора, и в том же году первый, как великий князь рязанский, заключил договор с Иоанном московским и его родственниками: великий князь рязанский обязывается считать себя младшим братом Иоанна III и сына его и приравняется к удельному московскому князю, Андрею Васильевичу; обязывается быть заодно на всех врагов Москвы и не сноситься с лиходеями ее князя; с великими князьями литовскими не заключать договоров, не ссылаться на лихо Москве; не отдаваться с землею к ним в зависимость. Теперь в договорах наших князей место ордынских отношений заступают отношения к служебным татарским царевичам, появившимся, как мы видели, со времен Темного. Великий князь рязанский обязывается, по примеру деда и отца, давать известное количество денег на содержание царевичей, но не должен заключать с ними договоров, ссылаться с ними ко вреду московского князя, должен жить с ними по договору последнего. Следовательно, татарские царевичи находятся в службе одного московского великого князя как князя всея Руси, его одного знают, с ним одним заключают договоры. Относительно князей мещерских рязанский князь обязывается не только не принимать их к себе, но даже отыскивать их без хитрости, если они побегут от Иоанна, и, отыскавши, выдать ему. В этом договоре встречаем новое определение границ Московского и Рязанского княжеств; как трудно было с точностью определить границы в придонских странах, видно из того, что Елец объявлен за Москвою, а места по реке Мече – в общем владении.

Мы видели, что у великого князя рязанского, Ивана, был младший брат, удельный князь Феодор; старший брат по благословению отцовскому получил Переяславль Рязанский, Ростиславль и Пронск; младший – Перевитск и Старую Рязань. В 1496 году оба брата заключили между собою договор, из которого мы видим, что в одно и то же время во всех русских княжествах отношения между князьями определялись точно так же, как и в Московском княжестве. Великий князь рязанский, который в договоре с Иоанном III приравнен к удельному московскому, в договоре со своим удельным, со своим младшим братом, требует, чтоб тот «его великое княжение держал честно и грозно без обиды», а сам обещается: «Мне, великому князю, тебя жаловать и заботиться мне (печаловаться) о тебе и о твоей отчине. И тебе мною великого княжения не хотеть, ни твоим детям под моими детьми». Доказательством, как ослабели родовые понятия и как, наоборот, усилились понятия об отдельной собственности, о произволе владельца распоряжаться своею собственностью, служит то, что рязанские князья считают необходимым внести в свой договор следующее условие: «Не будет у меня детей, и мне, великому князю, великим княжением благословить тебя, своего брата; а не будет у тебя детей, и тебе, моему брату, своей отчины не отдать никакую хитростью мимо меня, великого князя». В условии не было сказано, чтоб Феодору не отдавать своей отчины мимо детей старшего брата, и Феодор, переживши последнего и умирая бездетным, счел себя вправе отказать свой удел мимо племянника великому князю московскому. Старший брат, великий князь Иван, умер в 1500 году, оставя пятилетнего сына, именем также Ивана, под опекою матери и бабки. Каковы были тогдашние отношения Рязани к Москве в то время, видно из следующего наказа, данного Иоанном III Якову Телешову, который провожал через рязанские владения кафинского посла. Телешов должен был поклониться великой княгине рязанской Агриппине и сказать ей от великого князя московского: «Твоим людям служивым, боярам и детям боярским и сельским быть всем на моей службе; а торговым людям, лучшим, средним и черным, быть у тебя в городе; если же кто ослушается и пойдет на Дон, таких ты велела бы казнить, а не станешь казнить, так я велю их казнить и продавать».

Рязань, т. е. волости Переяславская, Ростиславльская и Пронская, благодаря родственным связям, малолетству князей и опеке княгинь, беспрекословно исполнявших приказы из Москвы, не была еще присоединена к Московскому княжеству при Иоанне III, который удовольствовался только присоединением Перевитска и Старой Рязани. Но в другом положении находилась Тверь: здесь был князь взрослый, привыкший к самостоятельности, ибо после

Димитрия Донского тверские князья постоянно сохраняли равенство положения с московским; мы видели, в каких тесных родственных связях находился Иоанн III с тверскими князьями. В начале своего правления он заключил договор с шурином своим, князем Михаилом Борисовичем тверским, и в этом договоре нет ничего особенного против прежних; подобно отцу своему, Михаил обязался быть на Орду, немцев, поляков и Литву заодно с московским князем; мы видели, что он ревностно помогал ему даже и против Новгорода, несмотря на то что еще под 1476 годом встречаем известие об отъезде из Твери в Москву целой толпы бояр и детей боярских; конечно, по договору они имели право отъехать, но все же этого явления, занесенного по своей важности в летопись, мы не должны оставлять без внимания. Как бы то ни было, разрыва между Москвою и Тверью не видим до конца 1484 года; в это время в Москве узнали, что тверской князь начал держать дружбу с Казимиром литовским и женился на внучке последнего. Договор, заключенный между Михаилом и Казимиром, дошел до нас; в нем говорится, что Казимир будет помогать Михаилу везде, где тому понадобится, а Михаил обязывается, где будет близко, сам идти со всею силою на помощь королю и стоять с ним заодно против всех сторон, не исключая ни одной. Эти обязательства были явным нарушением обязательств, заключенных с московским князем, и потому последний объявил Михаилу войну. Москвичи попленили Тверскую область, взяли и сожгли города; Тверь не могла воевать одна с Москвою и при Димитрии Донском; понятно, почему она не могла выставить ей сопротивления при Иоанне III; литовская помощь не являлась, и Михаил принужден был отправить в Москву епископа с боярами бить челом о мире; Иоанн дал мир, потому что не любил ничего делать с одного раза, а приготавливал верный успех исподволь. Новый договор, заключенный между двумя великими князьями, сильно рознился от прежнего; в нем Михаил, подобно рязанскому князю, обязался иметь московского князя и сына его старшими братьями и приравнивался к удельному Андрею Васильевичу; обязался сложить крестное целование к Казимиру торжественно перед послом московским; вперед ни с Казимиром и ни с кем из его преемников не заключать мира и союза, не отправлять к ним послов без ведома и думы князей московских; если великий князь литовский пришлет с чем-нибудь к тверскому, то последний обязан дать знать об этом в Москву, обязан быть всегда на литовского князя заодно с московским; наконец, Иоанн вытребовал у Михаила следующее обязательство: «Если тебе надобно будет отправить послов в Орду, то послать тебе туда по думе с нами, великими князьями; а без нашей думы тебе в Орду не посылать».

Нарушение первого договора и обнаружение беспомощной слабости при заключении второго не могли заставить победителя уважать права побежденного, если мы даже и не предположим в Иоанне обдуманного намерения мало-помалу обессилить Тверь и привести ее к необходимости покориться. В тот же год (1485), говорит летописец, приехали из Твери служить великому князю московскому князь Андрей Микулинский и князь Осип Дорогобужский: Микулинскому Иоанн дал Дмитров, а Дорогобужскому – Ярославль. Тогда же приехали и бояре тверские служить к великому князю на Москву, не могли сносить обид от него, потому что много было обид им от великого князя, от бояр его и детей боярских при спорах о землях; если там, где межи сошлись с межами, обидят московские дети боярские, то пропало; а если тверичи обидят, то князь великий с бранью и с угрозами посылает к тверскому, ответам его веры не дает, суду быть не позволяет. В таких обстоятельствах Михаил опять завел сношения с Литвою; но гонец его был перехвачен, грамота доставлена в Москву, откуда скоро пришли в Тверь грозные, укорительные речи. Испуганный Михаил отправил владыку бить челом Иоанну, но тот не принял челобитья; приехал князь Михаил Холмской с челобитьем – этого Иоанн не пустил и на глаза и стал собирать войско. В августе выступил он на Тверь с сыном Иоанном, с братьями Андреем и Борисом, с князем Федором Бельским, с итальянским мастером Аристотелем, с пушками, тюфяками и пищальями. 8 сентября московское войско обступило Тверь, 10-го зажжены посады, 11-го приехали из Твери к великому

князю в стан князя и бояре тверские, крамольники, как выражается летописец, и били челом в службу; Михаил Борисович ночью убежал в Литву, видя свое изнеможение, а Тверь присягнула Иоанну, который посадил в ней сына своего. В некоторых летописях прямо сказано, что Иоанн взял Тверь изменою боярскою; в других же находим известие, что главным крамольником был князь Михаил Холмской, которого после Иоанн сослал в заточение в Вологду за то, что, поцеловавши крест своему князю Михаилу, Холмской отступил от него. «Нехорошо верить тому, кто богу лжет», – сказал Иоанн при этом случае. Из семейства великокняжеского взята была в Твери мать Михайлова, у которой Иоанн допытывался, где казна сына ее; старая княгиня отвечала, что Михаил увез все с собою в Литву, но после служившие у нее женщины донесли, что она хочет отослать казну к сыну, и действительно нашли у нее много дорогих вещей, золота и серебра, за что великий князь заточил ее в Переяславль. О дальнейшей судьбе князя Михаила мы знаем, что он сначала оставался в Литве не более года и куда-то уезжал: в сентябре 1486 года посол Казимиров говорил Иоанну: «Тебе хорошо известно, что союзник наш, великий князь Михаил Борисович тверской, приехал к нам и мы его приняли. Бил он челом, чтоб мы ему помогли; мы хотели, чтоб он возвратил себе отчину без кровопролития, для чего и отправляли к тебе посла, как сам знаешь; но, посмотревши в договор, заключенный нами с отцом твоим, мы ему на вас помощи не дали, в хлебе же и соли не отказали: жил он у нас до тех пор, пока сам хотел, и, как в нашу землю добровольно приехал, так добровольно же мы его и отпустили». Но потом, через несколько лет, видим опять Михаила в Кракове; в 1505 году при пожаловании князю Василию Львовичу Глинскому имения Лососиной в Слонимском повете говорится, что это имение вместе с двумя другими селами – Белавичами и Гощовым – находилось прежде во владении князя Михаила Борисовича тверского; знаем также, что Михаил владел еще имением Печи-Хвосты на Вольни, в Луцком повете. В Несвижском замке показывают портрет молодой женщины в русском платье; предание говорит, что это – дочь изгнанника, князя тверского, вышедшая замуж за одного из Радзивиллов.

Кроме Твери при Иоанне III окончательно были присоединены княжества Ярославское и Ростовское; в 1463 году ярославские князья, сохранявшие до сих пор права владетельных, уступили свою отчину великому князю московскому; это дело уладил московский дьяк Алексей Полуехтович; в 1474 году два ростовских князя продали Иоанну III и остальную половину своего города.

## ГЛАВА ВТОРАЯ СОФИЯ ПАЛЕОЛОГ

*Присоединение удела Верейского к Москве. – Отношение Иоанна III к родным братьям. – Второй брак Иоанна на Софии Палеолог. – Значение Софии. – Борьба между сыном и внуком Иоанновыми. – Судьба главных вельмож.*

Мы видели, что один только Михаил Андреевич Верейский успел сохранить свой удел при Василии Темном. В начале княжения своего Иоанн III возобновил с ним договор на прежних основаниях; но в 1465 году видим уже другой договор, по которому Михаил должен был возвратить великому князю несколько волостей, пожалование Темного. И этим не удовольствовались: в том же году встречаем еще договор, в котором Верейский князь обязывается считать себя моложе всех братьев великокняжеских, даже самых младших. В 1482 году новый договор: Верейский князь уступает по смерти своей великому князю свою отчину Белоозеро. На все эти требования Михаил соглашался и не давал никакого предлога к присоединению Верейского удела. Скоро, однако, предлог отыскался – не со стороны самого Михаила, но со стороны сына его, Василия. Этот Василий был женат на греческой княжне, племяннице великой княгини Софии. София дала в приданое за нею вещи, принадлежавшие первой жене Иоанна III, Марии тверской; великий князь по случаю рождения внука Дмитрия хотел подарить этими вещами невестку Елену и, узнав, что они переданы Верейскому князю, послал забрать у него все женино приданое, причем грозился посадить его в заключение вместе с женою; Василий, оскорбленный и напуганный, уехал в Литву. Тогда Иоанн отобрал у старика Михаила отчину его Верею за вину сына и в виде уже пожалования отдал ее опять, обязав Михаила следующим договором: «С сыном своим, князем Василием, не ссылаться тебе никакою хитростию; если придет к тебе он с какими речами, объявить их мне вправду по крестному целованию да выдать мне и того человека, кого придет. Что я, князь великий, пожаловал тебя своею отчиною Верею, которую взял за вину у сына твоего, то держать тебе ее за собою до самой смерти; а после твоей смерти эта отчина отходит ко мне; мне же, великому князю, и моему сыну, которому дам эту твою отчину, поминать нам твою душу».

В 1485 году умер несчастный старик Михаил Верейский; в своей духовной он говорит: «Что моя отчина, чем меня благословил отец мой и я благословил, дал эту свою отчину господину и *государю* великому князю Ивану Васильевичу всея Руси». Здесь в первый раз удельный князь называет великого *государем*. Не смея думать о сыне, не смея отказать волостей замужней дочери, несчастный Михаил умоляет в духовной: «Чтоб господин мой князь великий пожаловал, после моей смерти судов моих не посудил. А что мои люди, кого я пожаловал жалованием и деревнями: и государь бы мой, князь великий, после моей смерти жалованья моего не порушил, чтоб мои люди после меня не заплакали и меня бы государь мой, князь великий, во всем том не положил, потому что тебе, государю моему, великому князю, приказано душу поминать и долги платить».

Когда дело было кончено, Верейский удел присоединен к Москве, великий князь позволил себе склониться на просьбы жены и сына и согласился принять бежавшего Василия Михайловича опять в Московское государство, но только на службу, в качестве служебного князя, не более; сын великого князя, Василий, писал к изгнаннику в 1493 году, что «отец наш князь великий тебя жалует, хочет твоей службы; и ты бы к отцу нашему поехал». Василий не поехал на такой зов, но, как видно, послал новую просьбу, выговаривая себе какое-то пожалование и обещаясь отдать все, что было дано его жене из казны великокняжеской; в 1495 году отправился в Литву грек Петр, который должен был сказать Василию от имени

великого князя: «Присылал ты и твоя княгиня к моей великой княгине, к моим детям и к моим боярам бить челом, чтоб мне тебя пожаловать, нелюбье с сердца сложить и к себе тебя принять, а вы хотите отдать нам нашу казну, что у твоей княгини: так ты бы прислал ко мне список вещам, которые нам теперь хочешь отдать, и мы, посмотря по вашему исправлению, и жаловать вас хотим». Чем дело кончилось, неизвестно.

Но известна нам судьба родных братьев Иоанна III. Он жил с ними в мире до 1472 года, когда умер старший из них, Юрий, князь дмитровский, бездетным; в духовной он приказывает душу *господарине* матери своей, великой княгине да господину своему великому князю; он делит по родственникам, церквам, монастырям села, движимое имущество совершенно как частный человек, не говоря ничего об уделе своем – Дмитрове, Можайске, Серпухове. Причина такого молчания понятна: благословить поровну всех братьев значило разгневать великого князя; отказать все великому князю значило обидеть остальных братьев – и Юрий промолчал. Великий князь взял удел себе; братья рассердились; на этот раз дело кончилось, однако, перемирием: Иоанн отдал Борису Вышгород, взятый перед тем у Михаила Вереяского, и Шопкову слободу; Андрею Меньшому вологодскому дал Тарусу; одному Андрею Большому не дал ничего сам; уже мать его, Мария, очень любившая Андрея, дала ему свою куплю, Романов-городок на Волге. После этого с двумя братьями – Андреем Углицким и Борисом Волоцким – заключены были договоры, в которых они обязались иметь не только самого Иоанна III, но и сына его, Иоанна Молодого, старшими братьями, держать Иоанна Молодого, так же как и отца его, по смерти последнего; не искать великого княжения ни под кем из детей Иоанна III; татарского царевича Даниара или какой другой царевич будет на его месте удельные князья обязываются содержать заодно с великим, и если последний захочет принять другого царевича в свою землю для своего и христианского дела, то удельные обязаны содержать и этого царевича; наконец, оба младших брата обязались не думать о выморочном уделе Юрия. Понятно, что эта сделка была не в пользу удельных: выморочная волость осталась за великим князем; они лишались твоего права, подтвердив клятвою обязательство не вступаться в нее, и, таким образом, давали старшему брату право на все выморочные области, какие будут вперед, ибо в договорах не сказано, что младшие братья получили известные волости вместо полостей Юрьевых, да и сами после, как увидим, объявили, что обюкены великим князем, который не поделился с ними уделом Юрия.

Так нарушено было одно право, которое считали за собою удельные; скоро было нарушено и другое. Право бояр, детей боярских и слуг вольных отъезжать от одного князя к другому подтверждалось еще во всех договорах между князьями, но оно могло оставаться ненарушимым только тогда, когда существовало несколько более или менее независимых княжеств; когда же все княжества поникли пред Московским, то переход бояр мог продолжаться только из первых в последнее. Каким образом младший брат, удельный, подчиненный князь, мог принять к себе боярина, навлекшего гнев великого князя, сохраняя по-прежнему свои родственные отношения, не возбуждая опасной вражды могущественного старшего брата? Опираясь на это несвоевременное уже теперь право, Андрей Углицкий и Борис Волоцкий снова вооружились против Иоанна III. В 1479 году великий князь отнял Великолуцкое наместничество у князя Ивана Оболенского-Лыка по жалобе жителей, обвинявших его в притеснениях: когда Иоанн привел окончательно Новгород в свою волю, то Лыко наехал на Луки и Ржеву, начал судить и рядить, брать пошрины и грабить, что хотел, то делал, владыке новгородскому и боярам не дал брать пошлин, все брал на себя, слуги его делали то же самое, и жители от таких грабежей разбежались по заграничью. Иоанн нарядил суд, и Оболенский должен был выплатить гражданам все, что взял у них неправдою, а иное, что великий князь и без суда велел ему платить; лучане обрадовались, видя, что великий князь взял их сторону, и стали уже прилыгать: где Оболенский взял мало, там они показывали много; Лыко вышел из терпения и отъехал от великого князя к брату его,

Борису Волоцкому. Тогда Иоанн решился впервые торжественно нарушить старинное право отъезда: он послал на Волок одного из своих слуг с приказом схватить Оболенского среди двора княжеского, но Борис не допустил до этого; Иоанн вторично послал к брату с требованием выдачи отъезжика головою; Борис отвечал, что не выдаст, а кому до Оболенского дело, тому на него суд да исправа. Между тем Иоанн услышал о смуте в Новгороде и поспешил туда; по некоторым известиям, из Новгорода уже он прислал приказ боровскому наместнику своему, Образцу, схватить тайно князя Ивана Лыко, где его ни отыщет, потому что село у него было в Боровской волости; действительно, Образец нашел его в этом селе, нечаянно напал на него, схватил и в оковах отвез в Москву. Князь Борис Васильевич, услышав об этом, послал к брату Андрею Углицкому с жалобой на старшего брата: «Вот как он с нами поступает: нельзя уже никому отъехать к нам! Мы ему все молчали: брат Юрий умер – князю великому вся отчина его досталась, а нам подела не дал из нее; Новгород Великий с нами взял – ему все досталось, а нам жребия не дал из него; теперь, кто отъедет от него к нам, берет без суда, считает братью свою ниже бояр, а духовную отца своего забыл, как в ней приказано нам жить; забыл и договоры, заключенные с нами после смерти отцовской». Братья посоветовались и решили защищать свои права вооруженною рукою.

Но мы видели по другим известиям, что Андрей и Борис находились в тайных сношениях с новгородцами, замышлявшими восстание, что не могло быть после выступления Иоанна в Новгород; следовательно, принимая это известие, мы не можем согласиться, чтоб Иоанн послал уже из Новгорода грамоту к Образцу с приказом схватить Оболенского и что вследствие этого поступка оба брата переслались и вооружились против великого князя. Или сношения удельных князей, вообще недовольных старшим братом и преимущественно раздраженных попыткой Иоанна схватить Оболенского среди двора Борисова и потом требованием его выдачи, – или эти сношения происходили гораздо прежде и были в связи с приготовлением всеобщего движения против Москвы и со стороны Литвы, и со стороны татар, и захвачение Оболенского Образцом по приказу от великого князя из Новгорода служило для удельных только окончательным побуждением и предлогом к начатию неприязненных движений, причем очень может быть, что приказ об этом захвачении был прислан Иоанном из Новгорода уже тогда, когда он узнал о сношениях братьев с восставшими новгородцами, или если мы примем, что окончательное захвачение Оболенского только заставило впервые удельных князей вооружиться против старшего брата, и если при этом мы захотим держаться также известия о сношениях их с новгородцами, то должны будем предположить, что приказ о захвачении Оболенского был дан не из Новгорода, но перед отправлением великого князя туда. Как бы то ни было, великий князь, узнавши в начале 1480 года о неприязненных движениях братьев, поспешил из Новгорода в Москву. Приезд его очень обрадовал жителей, потому что сильный страх напал на всех, когда узнали о приготовлении удельных к усобице; все города были в осадах, и многие люди, бегая по лесам, мерзли от стужи. Между тем князь Борис Васильевич выехал из Волока к брату Андрею в Углич, и отсюда вместе двинулись ко Ржеву через Тверскую область. Великий князь послал к ним туда боярина уговаривать их не начинать усобицы; но братья не послушались и вышли из Ржева с княгинями, детьми, боярами, лучшими детьми боярскими, направляя путь вверх по Волге к новгородским волостям; всего народу около них было тысяч двадцать. Великий князь опять послал уговаривать их, на этот раз уже духовное лицо, известного своей начитанностью, красноречием и энергиею владыку Вассиана Ростовского; Вассиан уже нашел князей в новгородских волостях, в Молвятицком погосте, на реке Поле, в 180 верстах от Новгорода. Владыке удалось уговорить их послать к великому князю бояр своих для переговоров, и они отправили в Москву двоих князей Оболенских, после чего, неизвестно, по какой причине, переменили путь, пошли к литовскому рубежу и остановились в Луках; тяжело было жителям тех областей, по которым двигались их толпы; многие плакали и рыдали, потому что все волости лежали пусты, рат-

ники княжеские везде грабили и пленили, только мечами не секли. Ставши на Луках, Андрей и Борис послали к королю бить челом, чтоб их управил в обидах с великим князем и помог; но Казимир отказал в помощи, только женам их дал Витебск на прожитие. Между тем в Москве шли переговоры: великий князь очень досадовал на мать, думая, что она заодно с младшими сыновьями по сильной привязанности своей к князю Андрею Васильевичу; нужно было прежде отвлечь от восстания этого любимца старой великой княгини, и вот Иоанн опять отправил к братьям Вассиана с двумя боярами сказать им: «Ступайте назад в свою отчину, а я вас во всем хочу жаловать»; но Андрею послы должны были предложить отдельно Калугу и Алексин; Андрей не согласился. Скоро, однако, бездействие Казимира и возвращение татарского отряда от русских границ без важных действий побудили князей снова начать переговоры с старшим братом; они послали к нему дьяков своих, мать также стала просить за них Иоанна, но теперь уже он отверг их просьбы.

В таком положении находились дела, когда псковичи, притесненные немцами и не видя помощи с востока, где великий князь был занят ближайшими делами, послали в Луки к князьям Андрею и Борису, чтоб оборонили город Псков. Третьего сентября приехали князья в Псков и пробыли здесь десять дней. Долго упрашивали их псковичи, чтоб отомстили поганым немцам за кровь христианскую, но князья отвечали: «Как нам пойти с вами в землю иноверную, когда у нас самих жены, дети, имение покинуты в чужой земле? Если согласитесь, чтоб наши жены жили здесь у вас, то мы ради оборонять ваш город». Псковичи были в большой печали, не зная, что делать: боялись они великого князя, потому что, кто хранит царского врага, тот враг царю; так и эти хотя братья ему, но супостаты. Долго думавши таким образом, псковичи наконец отказались принять жен Андрея и Бориса. «Сами, господари великие князья, знаете, – сказали они им, – не может один раб двум господарям работать, по евангельскому слову; так и мы не хотим двоим работать, но хотим одного господаря держаться, великого князя Ивана Васильевича, старшего брата вашего, а вам челом бьем: „Сами о своем добре и о нашем думайте, как бы нашему городу до конца не погибнуть“». Князья рассердились, выехали из Пскова и, ставши на Мелетове, распустили людей своих воевать по всем псковским волостям, и те повоевали все, как неверные, дома божии пограбили, жен и девиц посквернили и попленили, в дворах не оставили ни цыпленка, только огнем не жгли да оружием не секли, потому что никто им не противился. Псковичи после долгих просьб дали им 200 рублей да с околиц 15, чтоб только вышли от них в Новгородскую землю.

Между тем в Москве обстоятельства переменились, нашествие хана Золотой Орды Ахмата навело большой страх на великого князя, и младшие братья, воспользовавшись случаем, прислали сказать ему: «Если исправишься к нам, притеснять нас больше не будешь, а станешь держать нас как братьев, то мы придем к тебе на помощь». Иоанн обещал исполнить все их требования, и братья явились к нему с войсками на Угру, где он стоял против татар. Андрей получил Можайск, т. е. значительную часть выморочного удела Юриева; Борису даны были села, бывшие прежде за Василием Ярославичем Серпуховским. Великой княгине – матери, митрополиту Геронтию, владыкам – Вассиану Ростовскому и Филофею Пермскому, троицкому игумену Паисию и князю Михаилу Андреевичу Верейскому приписывается примирение братьев.

В ноябре 1480 ушел Ахмат, в феврале 1481 Иоанн заключил договор с братом Андреем Большим на прежних условиях; о Можайске говорится, что великий князь пожаловал его Андрею с волостями и селами, в отчину и удел, кроме тех сел и деревень, которые уже розданы боярам и детям боярским; впрочем, Андрей удерживает право суда и дани на этих селах по земле. Любопытна также новая форма старого условия об отношениях татарских: «Орды ведать и знать нам, великим князьям, а тебе Орд не знать; а если я в Орды не дам, и мне у тебя не взять». Вместо единственного: *Орда*, теперь уже является множественное:

*Орды.* Тогда же заключен договор и с Борисом Волоцким на тех же условиях; только в этом договоре не упоминается ни слова ни о каких новых пожалованиях великого князя, даже и о селах, о которых говорит летопись. Прежде, слыша о негодовании братьев, Иоанн дал волости Борису и Андрею Меньшому, не давши ничего Андрею Большому; теперь же дает Можайск последнему, не давая ничего Борису: братья были опасны в союзе друг с другом; когда же один, удовлетворенный, отставал от союза, то другой один переставал быть опасным, и потому не нужно было тратить для него волостей. Но легко понять также, был ли Иоанн благодарен Андрею за то, что последний, воспользовавшись тяжелыми обстоятельствами, успел получить от него часть удела Юриева?

Через несколько месяцев умер бездетным четвертый брат – Андрей Меньшой, оставшийся на стороне старшего брата во время восстания средних; задолжав великому князю 30000 рублей за ордынские выходы, Андрей отказал ему весь свой удел, остальным же двум братьям дал только по селу. На этот раз Андрей Большой и Борис не могли выставить никаких требований; завещание собственника должно было иметь полную силу.

Гораздо больше влияния на отношения между старшим и младшими братьями имела смерть матери их, последовавшая в 1484 году, ибо этим событием разрывался самый крепкий узел между князьями: мы знаем, какую сильную защитницу имел Андрей Большой в матери, горячо его любившей. В 1486 году великий князь уже счел нужным заключить с братьями новые договоры, в которых они обязались не вступаться в принадлежавшие великому князю волости умерших братьев – Юрия и Андрея Меньшого, ни в удел Верейский, ни в области Новгородскую и Псковскую, ни в примысл великого князя – Тверь и Кашин; также не сноситься ни с Казимиром, ни с изгнанным великим князем тверским, ни с князьями или панями литовскими, ни с Новгородом, ни с Псковом. Обстоятельства заставляли предугадывать печальную развязку: Андрей боялся и видел в бегстве единственное средство спасения. В 1488 году боярин Андреев Образец объявил своему князю, бывшему тогда в Москве, что старший брат хочет схватить его. Андрей испугался, хотел уже тайно бежать из Москвы, но потом одумался и послал к могущественному тогда вельможе, князю Ивану Юрьевичу Патрикееву, с просьбой, чтоб тот доведася у великого князя, за что он хочет схватить его. Но Патрикеев отказался от этого опасного поручения; тогда Андрей сам пошел к старшему брату и рассказал ему все; Иоанн поклялся ему небом и землею и богом сильным, творцом всея твари, что у него и в мыслях не бывало ничего подобного. Начали искать, откуда пошел слух; оказалось, что великокняжеский сын боярский, Мунт Татищев, в шутку сказал об этом Образцу, а тот поверил и сказал князю Андрею, желая прислужиться, потому что прежде князь держал его в немилости. Татищеву Иоанн велел дать торговую казнь, хотел велеть даже отрезать ему язык, но митрополит упросил не делать этого. Для нас любопытно, впрочем, здесь то, что подобное известие уже могло быть тогда содержанием шутки и шутку могли принимать за правду. Года через два после этого (1491) Иоанн, узнав, что на союзника его, крымского хана Менгли-Гирея, идут татары с востока, выслал свои полки к нему на помощь; велел и братьям отправить также своих воевод, на что имел полное право по договорным грамотам. Борис послал свои полки вместе с великокняжескими, но Андрей не послал. Это было в мае, в сентябре Андрей приехал в Москву и был принят вечером очень почетно и ласково старшим братом. На другой день явился к нему посол с приглашением на обед к великому князю; Андрей поехал немедленно, чтоб ударить челом за честь; Иоанн принял его в комнате, называвшейся *западной*, посидел с ним, поговорил немного и вышел в другую комнату, *повалушу*, приказавши Андрею подождать, а боярам его идти в столовую гридню, но как скоро вошли туда, так были схвачены и разведены по разным местам. В то же время в западную к Андрею вошел князь Семен Ряполовский с многими другими князьями и боярами и, обливаясь слезами, едва мог промолвить Андрею: «Государь князь Андрей Васильевич! Пойман ты богом да государем великим князем Иваном Васильевичем всея Руси, братом

твоим старшим». Андрей встал и отвечал: «Волен бог да государь, брат мой старший, князь великий Иван Васильевич; а суд мне с ним перед богом, что берет меня неповинно». С первого часа дня до вечерен сидел Андрей во дворце; потом свели его на казенный двор и приставили стражу из многих князей и бояр. В то же время послали в Углич схватить сыновей Андреевых, Ивана и Димитрия, которых посадили в железах в Переяславле, дочерей не тронули.

Есть известие, что Иоанн так отвечал митрополиту, когда тот просил его об освобождении Андрея: «Жаль мне очень брата, и я не хочу погубить его, а на себя положить упрек; но освободить его не могу, потому что не раз замышлял он на меня зло; потом каялся, а теперь опять начал зло замышлять и людей моих к себе притягивать. Да это бы еще ничего; но когда я умру, то он будет искать великого княжения под внуком моим, и если сам не добудет, то смутит детей моих, и станут они воевать друг с другом, а татары будут Русскую землю губить, жечь и пленить и дань опять наложат, и кровь христианская опять будет литься, как прежде, и все мои труды останутся напрасны, и вы будете рабами татар». Андрей умер в конце 1494 года; есть известие, что Иоанн, узнав о смерти брата, приносил слезное покаяние духовенству, которое не скоро простило его, но это известие заподозривается тем, что сыновья Андреевы оставались в заключении, следовательно, Иоанн не раскаивался в своей мере.

Бориса Волоцкого не тронули, он также скоро умер, оставя удел двоим сыновьям – Феодору и Ивану. В 1497 году они били челом великому князю чрез митрополита Симона о вымене их сел, рассеянных в областях великокняжеских и доставшихся их отцу от прабабушки Марии Голтыевой, на тверские волости, ближайšie к их уделу, именно Буйгород и Колпь. В конце 1503 года меньшей из волоцких князей, Иван, умер; в духовной своей он завещает брату несколько сел, а удел свой – Рузу и половину Ржева, равно как служивую рухлядь, доспехи и коней, передает великому князю, которого называет *Государем*.

Так восстания удельных князей, имевшие следствием кровавые явления в правление Темного, при сыне его благодаря окончательным распоряжениям отца кончились одним страхом для московского народонаселения и грабежом некоторых пограничных волостей. Истощенная Орда, не могший справиться с собственными или ближайшими, по его мнению, делами на западе Казимир, трепетавший в предсмертных движениях Новгород не могли дать удельным князьям продолжительной опоры; страх, и то страх мнимый, пред могуществом Ахмата заставил Иоанна уступить Андрею Можайск, но эта уступка была последняя и ненадолго. Не знаем, на сколько мы должны верить приведенному выше известию, будто Иоанн оправдывал заключение брата опасением, что Андрей по смерти его станет ссорить внука его и сыновей: действительно, отношения в самой семье великокняжеской, как они были одно время, могли подать удельным князьям надежду более крепкую, чем подавали им прежде Орда, Литва и Новгород.

Мы видели, что Иоанн еще в очень молодых годах, при жизни отцовской, по обстоятельствам политическим женился на Марии Борисовне, дочери великого князя тверского. Иоанн недолго жил с ней: в 1467 году Мария скончалась; тело ее так распухло, что покров, который прежде был велик, висел по краям, теперь уже не мог прикрывать покойницы; начали толковать, что княгиня была отравлена; дознались, что одна из женщин ее, Наталья, жена Алексея Полуехтова, посылала пояс к ворожее; великий князь рассердился и на мужа, и на жену и шесть лет потом не пускал Полуехтова к себе на глаза. От этой первой жены Иоанн имел сына, именем также Иоанна, для отличия называемого Молодым, которого по примеру отцовскому назвал великим князем, чтоб отнять у братьев предлог к предъявлению старых прав старшинства пред племянником, и вследствие этого мы видели, что грамоты писались от имени двоих великих князей, посольства отправлялись также к двоим, и ответ на них давали от двоих. Но не прошло еще двух лет по смерти Марии, как началось знаменитое сватовство великого князя на царевне греческой. После падения Византии брат пав-

шего на ее стенах императора Константина, Фома Палеолог, нашел с семейством убежище в Риме; после него осталось здесь двое сыновей и дочь София; эту-то дочь папа Павел II через известного кардинала Виссариона, одного из греческих митрополитов, подписавших Флорентийское соединение, и предложил в супружество московскому великому князю, без сомнения желая воспользоваться случаем завязать сношения с Москвою и утвердить здесь свою власть посредством Софии, которую по самому воспитанию ее не мог подозревать в отчуждении от католицизма. В феврале 1469 года грек Юрий приехал к великому князю с письмом от Виссариона, в котором кардинал предлагал Иоанну руку греческой царевны, отказавшей будто бы из преданности к отцовской вере двум женихам – королю французскому и герцогу медиоланскому. Великий князь взял эти слова в мысль, говорит летописец, и, подумавши с митрополитом, матерью, боярами, в следующем же месяце отправил в Рим своего посла, выезжего италианца, монетного мастера Ивана Фрязина. Фрязин возвратился с портретом царевны и с пропускными (опасными) грамотами от папы для проезда послов московских с Софией по всем землям католическим. Тот же Фрязин отправился опять в Рим представлять лицо жениха при обручении. Папе хотелось выдать Софию за московского князя, восстановить Флорентийское соединение, приобрести могущественного союзника против страшных турок, и потому ему легко и приятно было верить всему, что ни говорил посол московский; а Фрязин, отказавшийся от латинства в Москве, но равнодушный к различию исповеданий, рассказывал то, чего не было, обещал то, чего быть не могло, лишь бы уладить поскорее дело, желанное и в Москве не менее, чем в Риме.

Дело уладилось: в июне 1472 года София выехала из Рима в сопровождении кардинала Антония и многих греков, а 1 октября пригнал во Псков гонцом Николай Лях от моря, из Ревеля, и объявил на вече: «Царевна переехала море, едет в Москву, дочь Фомы, князя морейского, племянница Константина, царя цареградского, внука Иоанна Палеолога, зятя великого князя Василия Дмитриевича, зовут ее София, она будет вам государыня, а великому князю Ивану Васильевичу жена, и вы бы ее встретили да приняли честно». Объявив это псковичам, гонец в тот же день поскакал к Новгороду Великому, а оттуда в Москву. Псковичи тотчас начали мед сытить и корм собирать; посадники и бояре из концов отправились навстречу к царевне в Изборск, жили уже здесь целую неделю, как приехал из Дерпта гонец с приказом, чтоб ехали встречать ее на Немецкий берег; в шести насадах и со множеством лодок поехали посадники и бояре и встретили Софию в устье Эмбаха, вышли из судов и, наливши кубки и позолоченные роги вином и медом, били ей челом; она приняла это от них в честь и любовь великую о объявила, что сейчас же хочет ехать с ними дальше, чтоб поскорее покинуть немцев; посадник принял ее, всех приятелей ее и казну в свои насады, и поплыли к Русскому берегу. Перед Псковом была ей также честь большая: вышли к ней навстречу священники с крестами и посадники; принявши благословение от священников, челобитье от посадников и всего Пскова, София пошла в Троицкий собор с приятелями своими. «Был с нею, – говорит летописец, – и владыка свой (кардинал), не по нашему обычаю одетый весь в красное, в перчатках, которых никогда не снимает и благословляет в них, и несут перед ним распятие литое, высоко взоткнутое на древке; к иконам не подходит и не крестится, в Троицком соборе приложился только к Пречистой, и то по приказанию царевны». Из Троицкого собора царевна пошла на княжий двор, где опять посадники, бояре и весь Псков потчивали ее вином, медом, всякими кушаньями и всех приятелей ее и слуг, кормили и коней; потом все посадники, бояре и купцы дарили ее, чем кто мог, а от всего Пскова поднесли 50 рублей деньгами, да Ивану Фрязину дали 10 рублей. Царевна, видя такую почесть, сказала посадникам, боярам и всему Пскову: «Теперь хочу ехать в дорогу к моему и вашему государю в Москву; и на вашем почетном приеме, на вашем хлебе, вине и меду кланяюсь; когда, бог даст, буду в Москве и когда вам будет там какая нужда, то буду усердно стараться за вас». Сказавши это, поклонилась посадникам и всему Пскову, села в повозку и выехала из города;

посадники и бояре с вином, медом и хлебом провожали ее до новгородского рубежа. В Новгороде была ей оказана такая же честь в приеме и в дарах.

София подъезжала к Москве, а здесь между тем шло совещание: думал князь великий с матерью, боярами и братьями, как сделать. Везде, где ни останавливалась до сих пор София, папский посол, кардинал Антоний, шел перед нею, а вперед несли крест латинский. Одни на совете говорили, что ничего, можно позволить это и в Москве; другие же возражали, что никогда этого не бывало в нашей земле, чтоб латинской вере почести оказывали; сделал это один раз Исидор, но за то он и погиб. Великий князь послал спросить митрополита Филиппа, тот велел отвечать: «Нельзя послу не только войти в город с крестом, но и подъехать близко; если же ты позволишь ему это сделать, желая почтить его, то он в одни ворота в город, а я, отец твой, другими воротами из города; неприлично нам и слышать об этом, не только что видеть, потому что, кто возлюбит и похвалит веру чужую, тот своей поругался». Тогда великий князь послал боярина отобрать у легата крест и спрятать его в санях; Антоний сначала было воспротивился, но потом скоро уступил; больше противился московский посол, Иван Фрязин-денежник: хотелось ему оказать честь папе, послу его и всей земле их, потому что ему самому оказали там большую почесть; будучи в Риме, он исполнял все латинские обычаи, скрывши, что принял в Москве православную веру. 12 ноября 1472 года въехала София в Москву и в тот же день обвенчана была с Иоанном, а на другой день легат правил посольство и поднес дары от папы. Разумеется, кардинал должен был немедленно же обратиться к делу о соединении церквей; но скоро он испугался, говорит летописец, потому что митрополит выставил против него на спор книжника Никиту Поповича: иное, спросивши у Никиты, сам митрополит говорил легату, о другом заставлял спорить Никиту; кардинал не нашелся, что отвечать, и кончил спор, сказавши: «Нет книг со мною!» Так неудачно кончилась попытка римского двора восстановить Флорентийское соединение посредством брака князя московского на Софии Палеолог. Но брак этот имел другие важные следствия.

До сих пор главною заботою московских князей было собиранье Русской земли, приемы, прибытки; вместо вождей дружины, какими князья являлись на юге, мы видим на севере князей-собственников, хозяев. Мы видели, как все отношения – отношения духовенства, дружины, остального народонаселения – клонились к утверждению в Москве крепкого самодержавия; в половине XV века все уже было приготовлено к тому, чтоб новое государство приняло именно эту форму; но от старого порядка вещей оставались еще некоторые предания, обычаи, приемы, от которых нужно было освободиться. Великий князь московский на деле был сильнейшим из князей Северной Руси, которому никто не мог противиться; но он продолжал еще носить название великого князя, что означало только старшего в роде княжеском; он еще недавно кланялся в Орде не только хану, но и вельможам его; князья-родичи еще не переставали требовать родственного, равного обхождения; члены дружины еще сохраняли старое право отъезда, а это отсутствие прочности в служебных отношениях, хотя на деле и пришедшее к концу, давало им повод думать о старине, когда дружинник при первом неудовольствии отъезжал от одного князя к другому и считал себя вправе знать все думы княжеские; при дворе московском явилась толпа служилых князей, которые не забыли о своем происхождении от одного родоначальника с московским великим князем и выделялись из дружины московской, становясь выше ее, следовательно, имея еще более притязаний; церковь, содействуя московским князьям в утверждении единовластия, давно уже старалась дать им высшее значение относительно других князей; но для успешнейшего достижения цели нужна была помощь преданий Империи; эти-то предания и были принесены в Москву Софиею Палеолог. Современники заметили, что Иоанн после брака на племяннице императора византийского явился грозным государем на московском великокняжеском столе; он первый получил название Грозного, потому что явился для князей и дружины монархом, требующим беспрекословного повиновения и строго карающим за

ослушание, возвысился до царственной недостижимой высоты, перед которою боярин, князь, потомок Рюрика и Гедимины должны были благоговейно преклониться наравне с последним из подданных; по первому мановению Грозного Иоанна головы крамольных князей и бояр лежали на плахе. Современники и ближайшие потомки приписали эту перемену внушениям Софии, и мы не имеем никакого права отвергать их свидетельство. Князь Курбский, защитник старины, старых прав княжеских и боярских, говорит, что перемена в поведении князей московских произошла от внушения жен иноплеменных. Нет преступления, в котором бы ожесточенный потомок князей ярославских не обвинил Иоанна III и Софию. Какой дух принесли служебные князья ко двору московскому, какие чувства питали они к московским князьям, как смотрели на собиранье земли, видно из следующих слов Курбского: «Обычай у московских князей издавна желать братий своих крови и губить их, убогих, ради окаянных отчин, несытства ради своего».

Но кроме Курбского до нас дошел еще другой боярский отзыв о новом порядке вещей, принесенном Софиею. Уже в княжение сына ее, Василия, опальный боярин Берсень так говорил Максиму Греку: «Как пришли сюда греки, так наша земля и замешалась; а до тех пор земля наша Русская жила в тишине и в миру. Как пришла сюда мать великого князя, великая княгиня София, с вашими греками, так наша земля и замешалась, и пришли нестроения великие, как и у вас в Цареграде при ваших царях». Максим заметил на это: «Господин! Мать великого князя, великая княгиня София, с обеих сторон была рода великого: по отце царского рода константинопольского, а по матери происходила от великого герцога феррарского Итальянской страны». Берсень отвечал: «Господин, какова бы она ни была, да к нашему нестроению пришла. Которая земля переставляет обычаи свои, та земля недолго стоит, а здесь у нас старые обычаи великий князь переменял; так какого добра от нас ждать?» В чем же, по мнению Берсеня, состояла эта перестановка обычаев? «Лучше, – говорит он, – старых обычаев держаться и людей жаловать, и старых почитать; а теперь государь наш, запершись сам-третей у постели, всякие дела делает». Итак, перестановка обычаев состояла в том, что великий князь, отстранив прежнее влияние дружины, начал думать особо свою думу, с кем хотел, и теперь уже дружина не могла сказать ему по-прежнему: «Ты, князь, сам собою это замыслил, так не едем за тобой, мы об этом ничего не знали»; не смела она сказать теперь этого, потому что московские князья уничтожили отдельные волости и боярам некуда уже стало более отъехать. Но не одни недовольные князья и бояре оставили нам свидетельства о важном влиянии Софии на перестановку обычаев в Русской земле; есть свидетельства более беспристрастные: Герберштейн, бывший в Москве в княжение сына Софии, говорит об ней: «Это была женщина необыкновенно хитрая; по ее внушению великий князь сделал многое», Наконец, летописцы подтверждают это, говоря, например, что по внушениям Софии Иоанн окончательно разорвал с Ордою.

26 марта 1479 года родился у Софии первый сын Василий-Гавриил; в 1490 году старший сын Иоаннов, молодой великий князь Иоанн, разболелся ломотою в ногах («камчюгом»); в это время был в Москве лекарь, мистр Леон, жид, вызванный русскими послами из Венеции; Леон объявил отцу больного: «Я вылечу сына твоего; а не вылечу, вели меня казнить смертною казнию». Великий князь велел лечить; Леон стал давать больному лекарство внутрь, а к телу прикладывать стклянки с горячею водою; но от этого лечения Иоанну стало хуже, и он умер 32-х лет. Старый великий князь велел схватить лекаря, и, как минуло покойнику сорок дней, Леона казнили смертью. Эти подробности важны для нас потому, что, как мы видели, люди, недовольные Иоанном III и Софиею, упрекали их в отраве Иоанна Молодого. Но последний оставил малолетнего сына Димитрия от брака своего на Елене, дочери Стефана, господаря молдавского, и потому теперь рождался вопрос, кому наследовать великое княжение – сыну или внуку. Если бы Иоанн III захотел обратить внимание на старый обычай, если бы справился с летописями, то нашел бы, что внук не мог получить великого

княжения *не по отчине*. Но мы видели, что отец Дмитрия, Иоанн, был при жизни своего отца уже великим князем, равным отцу, и потому, даже по прежним родовым счетам, преждевременная смерть Иоанна Молодого не лишала сына его прав на старшинство; притом же московскому государю не было теперь нужды до старых родовых счетов; все предки его шли наперекор им, отдавая преимущество племяннику перед дядею; Иоанн III, верный преданию, должен был также отдать преимущество внуку Дмитрию перед сыном Василием. Но последний имел за собою также важные преимущества: он был сын Софии Палеолог, от царского корня; ему, разумеется, а уже никак не Дмитрию принадлежал герб Римской империи, и София была способна внушить мужу и сыну высокое мнение о своем происхождении, своих правах, была способна поддержать эти права. Начались происки, двор разделся на две стороны.

Если князья и бояре и по смерти Софии дурно отзывались о ней, представляли ее виновницею перемены, перемены к худшему, по их мнению, то ясно, что они не могли быть расположены к ней при жизни ее и потому поддерживали Елену, вдову Иоанна Молодого, и сына ее Дмитрия; на стороне же Софии и сына ее Василия мы видим только детей боярских и дьяков. Дьяк Федор Стромиллов известил Василия, что отец хочет пожаловать великим княжением внука Дмитрия, и вместе с Афанасьем Яропкиным, Поярком, Руновым братом, и другими детьми боярскими начал советовать молодому князю выехать из Москвы, захватить казну в Вологде и на Белоозере и погубить Дмитрия; главные заговорщики набрали себе и других соумышленников, привели их тайно к крестному целованию. Но заговор был открыт в декабре 1497 года; Иоанн велел держать сына на его же дворе под стражею, а приверженцев его велел казнить; шестерых казнили на Москве-реке: Яропкину отсекали руки, ноги и голову, Пояркову – руки и голову; двум дьякам – Стромиллову и Гусеву – да двум детям боярским – князю Палецкому-Хрулю и Щевью-Стравину – отсекали головы, многих других детей боярских пометали в тюрьмы. В то же время рассердился великий князь и на жену свою, великую княгиню Софию, за то, что к ней приходили ворожеи с зельем; этих лихих баб обыскали и утопили в Москве-реке ночью, после чего Иоанн стал остерегаться жены.

Желание бояр исполнилось. Но, удалившись от Софии, Иоанн не удалился от мыслей, внушенных ею; отстранив сына ее от великого княжения, он спешил совершить царское венчание над соперником его, внуком Дмитрием, и бояре, не любившие Софию за принесение новых понятий, пользуются, однако, ими и называют Дмитрия-внука боговенчанным в укор Василию и сыну его. 4 февраля 1498 года в Успенском соборе, среди церкви, приготовили место большое там, где святителей ставят; на этом месте поставили три стула: великому князю, внуку его, Дмитрию, и митрополиту; на налое лежала шапка Мономахова и бармы. Когда великий князь с внуком вошли в церковь, митрополит со всем собором начал служить молебен богородице и Петру-чудотворцу, после чего митрополит и великий князь сели на своих местах, а князь Дмитрий стал у мест перед ними, у верхней ступени. Иоанн, обратясь к митрополиту, начал говорить: «Отец митрополит! Божьим изволением, от наших прародителей, великих князей, старина наша оттоле и до сих мест: отцы наши, великие князья, сыновьям своим старшим давали великое княжение; и я было сына своего первого, Ивана, при себе благословил великим княжением; но божьею волею сын мой Иван умер, у него остался сын первый, Дмитрий, и я его теперь благословляю при себе и после себя великим княжением Владимирским, Московским и Новгородским; и ты бы его, отец, на великое княжение благословил». После этой речи митрополит велел Дмитрию стать на его место и, вставши, благословил его крестом, потом Дмитрий преклонил голову, и митрополит, положивши на нее руку, прочел громко молитву, чтоб господь бог дал поставляемому скипетр царства, посадил его на престол правды и проч. Два архимандрита поднесли сперва бармы, потом шапку; митрополит брал их, передавал великому князю, а тот возлагал на внука. За этим обрядом следовали ектенья, молитва богородице и многолетие, после кото-

рого духовенство поздравило обоих великих князей; митрополит сказал Иоанну: «Божьею милостию радуйся и здравствуй, преславный царь Иван, великий князь всея Руси, самодержец, и с внуком своим, великим князем Димитрием Ивановичем всея Руси, на многая лета»; Димитрию сказал: «Божьею милостию здравствуй, *господин* сын мой, князь великий Димитрий Иванович всея Руси, с *государем* своим, дедом, великим князем Иваном Васильевичем всея Руси, на многая лета». Потом поздравляли обоих великих князей дети Иоанновы, бояре и все люди. Митрополит произнес Димитрию следующее поучение: «Господин сын, князь великий Димитрий Иванович! Божьим изволением дед твой, князь великий, пожаловал тебя, благословил великим княжеством; и ты, господин сын, имей страх божий в сердце, люби правду и милость и суд праведный, будь послушен своему государю и деду, великому князю, и попечение имей от всего сердца о всем православном христианстве, а мы тебя, своего господина и сына, благословляем и бога молим о вашем здоровье». После митрополита Иоанн повторил то же наставление: «Внук князь Димитрий! Пожаловал я тебя и благословил великим княжением; и ты имей страх в сердце, люби правду и милость и суд праведный и попечение имей от всего сердца о всем православном христианстве». Так кончился обряд, великие князья отслушали после литургию, и Димитрий вышел из церкви в шапке и бармах; в дверях осыпал его трижды деньгами золотыми и серебряными дядя Юрий Иванович (Василий содержался под стражею); то же повторено было перед Архангельским и Благовещенским соборами.

Но торжество бояр не было продолжительным. Не прошло еще году после царского венчания Димитриева, как в январе 1499 страшная опала постигла два знатнейших боярских семейства – князей Патрикеевых и князей Ряполовских. Мы видели, что при деде и отце Иоанна первое место между служилыми князьями и боярами принадлежало литовским выходцам, князьям Гедиминова рода, Патрикеевым, которые породнились и с великими князьями московскими, ибо князь Юрий Патрикеевич женился на дочери великого князя Василия Дмитриевича. Сын Юрия, Иван, первый боярин при Василии Темном, продолжал первенствовать и при Иоанне III, к нему послы иностранные обращались с важными предложениями, к нему, как мы видели, обратился и брат великокняжеский, Андрей, с просьбою о посредничестве. Князь Иван породнился с другим знаменитым семейством боярским, ведшим свой род от Ивана, сына Всеволода III, и возвысившимся в Москве при Василии Темном чрез важные услуги, оказанные семейству последнего: Патрикеев выдал дочь за князя Семена Ряполовского-Стародубского. И вот, несмотря на важное значение, родство, заслуги отцовские, Иоанн велел схватить князя Ивана Юрьевича с двумя сыновьями, зятя его, князя Семена Ряполовского, испытал подробно все крамолы, нашел измену бояр и приговорил их к смертной казни: 5 февраля Семену Ряполовскому отрубили голову на Москве-реке; просьбы духовенства спасли жизнь Патрикеевым: отец со старшим сыном должны были постричься в монахи – первый у Троицы, другой в Кириллове Белозерском монастыре, младший сын остался под стражей в доме. Неизвестно, отобрано ли было имение у Патрикеевых, из духовной князя Ивана Юрьевича, написанной прежде опалы, знаем, что у него было около пятидесяти вотчин, сел, селец и деревень, поименованных в духовной, кроме таких селец и деревень, которые не названы по имени, а причислены к селам.

Летописцы говорят глухо, не объявляют, в чем состояли крамолы, измена Патрикеевых и Ряполовского, но нет сомнения, что эта измена и крамолы состояли в действиях их против Софии и ее сына, в пользу Елены и Димитрия-внука; это ясно видно из приведенных выше слов Курбского и Берсеня, ясно и из того, что за опалю Патрикеевых и Ряполовского немедленно последовала опала Елены и Димитрия, торжество Софии и Василия. Здесь мы не можем не привести одного любопытного известия, из которого видно, что поведение Патрикеевых и Ряполовского, поступавших еще по старой княжеской и боярской привычке, не нравилось Иоанну, требовавшему новых отношений князей служилых и бояр к великому

князю, *государю*; давая наставление послам, отправлявшимся к польскому королю, Иоанн говорит: «Чтоб во всем между вас было гладко, пили бы бережно, не допьяна, чтобы вашим небреженьем нашему имени бесчестья не было; ведь что сделаете не попригожу, так нам бесчестье и вам тоже; и вы бы во всем себя берегли, а не так бы делали, как князь Семен Рязановский *высокоумничал* с князем Васильем, сыном Ивана Юрьевича».

После опалы боярской Иоанн начал *нерадеть* о внуке, по выражению летописцев, и объявил сына Василия великим князем Новгорода и Пскова. В Новгороде после *выводов* старых жителей было тихо, оттуда не раздалось никакого возражения, но псковичи еще жили по старине: узнавши об этой новости и не зная, в чем дело, они отправили в Москву троих посадников и по три боярина с конца бить челом великим князьям Иоанну Васильевичу и внуку его, Димитрию Иоанновичу, чтоб держали отчину свою в старине и, который великий князь будет на Москве, тот был бы и во Пскове. Услыхав от послов такую просьбу, великий князь рассердился. «Разве я не волен в своем внуке и в своих детях? – сказал он. – Кому хочу, тому и дам княжество». Один посадник с боярами были отпущены, двое других задержаны и посажены в тюрьму. В это время приехал во Псков из Новгорода владыка Геннадий и хотел соборовать, но посадники и псковичи, подумав, соборовать владыке не дали: «Ты хочешь молить бога за великого князя Василия, а наши посадники затем поехали к великому князю, что мы не верим, будто князь Василий будет великим князем новгородским и псковским, подожди: когда приедут наши посадники и бояре, тогда и служи». Послы приехали, но не все, приехали с опалою, без поклона, с одним ответом: «Разве не волен я, князь великий, в своих детях и в своем княжении?» Псковичи поспешили послать других бояр бить челом великим князьям – Иоанну Васильевичу и Василию Иоанновичу новгородскому и псковскому, «чтоб государи наши держали отчину свою в старине, а посадников бы отпустили». Посадники были отпущены, и вслед за ними приехал боярин из Москвы с объявлением, что великий князь отчину свою держит в старине.

Псковичи напрасно беспокоились: Иоанн не хотел делить великого княжения, не хотел раздирать его усобицами, которые могли кончиться только гибелью одного из соперников, и предупредил борьбу, пожертвовав сыну внуком. II апреля 1502 года великий князь положил опалу на внука своего, великого князя Димитрия, и на мать его Елену, посадил их под стражу и с того дня не велел поминать их в ектеньях и литиях, не велел называть Димитрия великим князем, а 14 апреля пожаловал сына своего Василия, благословил и посадил на великое княжение Владимирское и Московское всея Руси самодержцем по благословению Симона-митрополита. С этих пор имя великого князя Василия является в грамотах подле отцовского, причем Иоанн называется в отличие великим князем *большим*. Отпуская послов в Литву, Иоанн дал им такой наказ: если дочь великого князя (Елена) или кто другой спросит: «Как великий князь пожаловал сына своего Василия великим княжеством?» – то послам отвечать: «Пожаловал государь наш сына своего, учинил государем так: как сам он государь на государствах своих, так и сын его с ним на всех тех государствах государь». Если же спросит: «А ведь прежде государь пожаловал великим княжеством внука своего; и он взял ли у внука великое княжество?» – то на это послы должны были отвечать: «Который сын отцу служит и норовит, того отец больше и жалует; а который сын родителям не служит и не норовит, того за что жаловать?» Если же дочь великого князя Елена спросит: «Где теперь внук и сноха?» – то послы должны отвечать: «Внук и сноха живут теперь у великого князя, так же как и прежде жили». Посол, отправленный в Крым, должен был на те же вопросы отвечать так: «Внука своего государь наш было пожаловал, а он стал государю нашему грубить; но ведь жалует всякий того, кто служит и норовит, а который грубит, того за что жаловать?»

## ГЛАВА ТРЕТЬЯ ВОСТОК

*Подчинение Казани. – Завоевание Перми. – Югорские князья платят дань в Москву; утверждение русских на Печоре; переход за Уральские горы. – Нашествия хана Золотой Орды Ахмата. – Поведение Иоанна во время второго нашествия Ахмата. – Послание к нему Вассиана, архиепископа Ростовского. – Отступление Ахмата от Угры. – Гибель Ахмата в степях. – Крымская орда. – Союз Иоанна с крымским ханом Менгли-Гиреем; крымцы доручивают Золотую Орду. – Первые сношения России с Турцией. – Сношения с тюменцами, ногаями, Хоросаном и Грузией.*

Последний поход Василия Темного был на Казань, первый поход московской рати в княжение сына его был также на Казань. В 1467 году служилый московский царевич Касим получил из Казани весть, что там хотят видеть его ханом и чтоб он спешил туда с войском; Касим обрадовался, дал знать об этом великому князю, и тот послал к нему сильную рать под начальством князя Ивана Васильевича Оболенского-Стриги. Но когда Касим подошел к Волге, то на другом берегу уже стоял казанский хан Ибрагим со всеми князьями и не допустил его до перевоза. Обманутый Касим в холодную и дождливую осень должен был возвращаться назад, оказался недостаток в съестных припасах, так что многие из ратников Оболенского в постные дни принуждены были есть мясо, а лошади мерли с голоду; много доспехов было побросано на дороге, но люди все возвратились домой благополучно. Казанцы спешили отомстить и немедленно явились под Галичем, но получили скудную добычу, ибо все окружные жители сидели, запершись в городе; городов же брать не могли, потому что великий князь успел разослать заставы в Муром, Нижний, Кострому и Галич. Счастливее были московские дети боярские, которые зимою 6 декабря выступили из Галича в землю Черемисскую. Целый месяц в сильную стужу, без дороги шли они лесами. 6 января 1468 года вошли к черемисам и выжгли всю землю их дотла, людей перебили, других взяли в плен, иных сожгли, имение все побрали, скот, которого нельзя было с собой увести, перебили; за один день пути только не дошли до Казани и возвратились к великому князю все поздорову; в то же время муромцы и нижегородцы воевали по Волге. Казанцы отомстили нападением на верховья реки Юга, где сожгли городок Кичменгу; потом повоевали две костромские волости; князь Оболенский-Стрига не мог догнать их; счастливее был князь Данило Холмской, которому удалось разбить татар, разорвавших Муромскую волость.

Весною новый поход: воеводы собрались на Вятке, под Котельничем, повоевали по Вятке черемис, выплыли в Каму, воевали до Тамлуга и Перевоза Татарского, побили многих купцов и товару у них отняли много; входили воевать и в Белую-Воложку; на берегах Камы разбили отряд татар из двухсот человек, потерявши на бою двух человек убитыми, наконец, через Великую Пермь и Устюг возвратились в Москву. С другой стороны, князь Хрипун-Ряполовский с нижегородскою заставою разбил татарский отряд, состоявший из дворян ханских. Но в то время как русские воевали по Каме, казанцы с большою силою пришли к Вятке и заставили ее жителей передаться хану Ибрагиму.

В 1469 году, весною же, великий князь задумал поход в более обширных размерах: пошла под Казань судовая рать, в которой были дети боярские из всех городов, под начальством воеводы Константина Александровича Беззубцева; пошла и московская городовая рать, сурожане, суконники, купцы и прочие москвичи, которым было можно по их силе, с воеводою князем Петром Васильевичем Оболенским-Нагим; суда шли к Нижнему из Москвы Москвою-рекою и Окою, коломничи и муромцы – Окою, владимирцы и суздальцы – Клязьмою, дмитровцы, можайцы, угличане, ярославцы, ростовцы, костромичи и все дру-

гие поволжане – прямо Волгою, и все сошлись к Нижнему в один срок. Другая рать, под начальством князя Даниила Ярославского, из Вологды и Устюга пришла к Вятке и повестила вятчанам, чтоб шли вместе на казанского царя, но мы видели уже, что вятчане отказались воевать против Ибрагима. В это время на Вятке был казанский посол, который и дал знать своим, что идет от Вятки рать московская судовая, но небольшая. Между тем Беззубцев с главною ратью стоял в Нижнем, куда пришла к нему великокняжеская грамота с приказом: самому стоять в Нижнем, на казанские места отпустить охотников. Беззубцев созвал всех князей и воевод и объявил им: «Прислал великий князь грамоту и велел всем вам сказать: кто из вас хочет идти воевать казанские места по обе стороны Волги, тот ступай, только к городу Казани не ходите». Рать отвечала: «Все хотим на окаянных татар, за святые церкви, за своего государя, великого князя Ивана, и за православное христианство!» – и пошли все, а Беззубцев один остался в Нижнем. Ратники выплыли из Оки под Нижний Новгород Старый, вышли из судов к церкви, велели священникам служить молебен за великого князя и за воинов его и милостыню раздали каждый по силе, потом собрались и стали думать, кого поставить воеводою, чтоб одного всем слушать, долго думавши, выбрали себе по своей воле Ивана Руна. В тот же день отплыли они от Нижнего, два раза ночевали на дороге и на третьи сутки на ранней заре, 21 мая, пришли под Казань, забрались в посады, велели трубить в трубы и бросились сечь сонных татар, грабить, брать в плен, освободили христианских пленников, московских, рязанских, литовских, вятских, устюжских, пермских, и зажгли посады со всех сторон; татары, не хотя отдаться в руки христианам и больше жалея о богатстве своем, запирались со всем добром, с женами и детьми в мечетях и там сгорали. Когда посады погорели, русская рать, истомившись, отступила от города, села на суда и отплыла на остров Коровнич, где стояла семь дней. На осьмой прибежал из Казани пленный коломнятин и объявил: «Собрался на вас царь казанский Ибрагим со всею землею, Камскою, Сыплинскою, Костяцкою, Беловоложскою, Вотяцкою, Башкирскою, и быть ему на вас на ранней заре с судовою ратью и конною». Услыхавши эту весть, воеводы и ратники начали отсылать от себя молодых людей с большими судами, а сами остались назади, на берегу, оборонять их. Они приказали молодым стать на Ирыхове-острове, а на узкое место не ходить; но те не послушались, пошли в узкое место на больших судах, и тут пришли на них конные татары, начали стрелять, стараясь их выбить; но русские отстреливались удачно и отбились от неприятеля. Между тем судовая рать татарская, лучшие князья и люди пошли на главный отряд, собираясь пожрать его, потому что был невелик; но русские не испугались, пошли против татар и прогнали их до самого города. Возвратившись с погони, вся рать стала на Ирыхове-острове, и тут пришел к ней воевода Беззубцев, который, простоявши еще семь недель в ожидании вятчан и отряда князя ярославского и видя, что в войске оказывается недостаток в съестных припасах, двинулся со всею ратью к Нижнему; на другой день встретили они ханшу, мать Ибрагимову, плывшую из Москвы, которая объявила им, что войны больше не будет. «Князь великий, – говорила она, – отпустил меня к сыну со всем добром и с честью; больше уже не будет никакого лиха между ними, по все только добро будет». Вероятно, прибытие этой ханши в Москву и заставило великого князя отложить поход Беззубцева из Нижнего. Воевода продолжал путь Волгою вверх и, остановившись в воскресенье на Звениче-острове, велел священникам служить обедню; отслушав обедню, хотели уже садиться обедать, а в некоторых церквях не успели еще и обеден отслужить, как вдруг показались татары в судах на реке и на конях по берегу. Русские бросились на суда, схватились с неприятелем и прогнали его, но стрельба конницы заставила их отплыть к своему берегу; тогда судовые татары погнались опять за ними, русские снова оборотились и прогнали татар; так бились целый день и разошлись ночевать, татары на своем берегу, русские на своем. Как на другой день они разошлись, летописи не говорят.

Но есть известие о судьбе другого отряда, находившегося под начальством князя Ярославского, который, как мы видели, шел Вяткою и Камою. Получивши весть от одного татарина, что войско Беззубцева было под Казанью и ушло, заключивши мир с ханом, князь Ярославский решился выйти из Камы в Волгу и мимо Казани плыть к Нижнему; но когда он поровнялся с Казанью, то нашел, что Волга загорожена татарскими судами; несмотря на неравенство сил, русские должны были вступить в битву, чтоб проложить себе дорогу; битва была ожесточенная, секлись, схватываясь руками; несколько воевод полегло на месте, особенное мужество оказал князь Василий Ухтомский, который скакал по связанным судам татарским и бил ослопом неприятеля; русские потеряли 430 человек убитыми и взятыми в плен, много было побито, потоплено и татар; наконец князю Ухтомскому и устюжанам удалось пробиться и приплыть к Нижнему; откуда послали к великому князю бить челом о жалованьи: Иоанн дважды посылал к ним по золотой деньге; но они обе эти деньги отдали священнику, который был с ним под Казанью, пусть бога молит о государе и о всем его воинстве; в третий раз Иоанн послал им запас: 700 четвертей муки, 300 пудов масла, 300 луков, 6000 стрел, 300 шуб бараньих, 300 однорядок из иностранного сукна и 300 сермяг – с приказом идти в новый поход на Казань.

В четыре описанных похода ничего не было сделано: весь успех ограничивался опустошением неприятельских областей, за что казанцы также не оставались в долгу; сожжение казанских посадов Руном не могло вознаградить за потери, понесенные отрядом князя Ярославского; мало того, выгода была явно на стороне казанцев, потому что им удалось подчинить себе Вятку. Летописи не говорят нам о числе войск, отправлявшихся до сих пор на Казань; но из их рассказа ясно, что неуспех главным образом зависел от недостатка единства в движениях, от недостатка подчиненности; один воевода не мог ничего сделать, потому что не мог дожидаться другого, приказ великокняжеский и воеводский не был исполнен: Руно пошел на Казань, когда ему прямо сказано было не ходить; под Казанью молодые не слушались старших. И вот для получения чего-нибудь решительного летом же 1469 года Иоанн послал под Казань двоих братьев своих, Юрия и Андрея Большого, вместе с молодым Вереиским князем Василием Михайловичем, со всею силою московскою и устюжскою, конною и судовою. 1 сентября князь Юрий подошел к Казани; татары выехали навстречу, но, побившись немного, побежали в город и затворились; а русские обвели острог и отняли воду. Тогда Ибрагим, видя себя в большой беде, начал посылать с просьбою о мире и добил челом на всей воле великого князя и воеводской. Мы не знаем, в чем состояла эта воля; знаем только, что хан выдал всех пленников, взятых за 40 лет.

Очень быть может, что никаких других условий и не было; могли желать покончить скорее с Казанью, потому что внимание отвлекалось другими важнейшими отношениями: с новгородцами дела не ладились, Казимир литовский пересылался с Ахматом, ханом Золотой Орды. В продолжение следующих восьми лет, когда Иоанн был занят делами новгородскими, о Казани не было слышно; и как нарочно, хан казанский нарушил мир в то самое время, когда Иоанн привел Новгород окончательно в свою волю и мог обратить оружие на восток. В начале 1478 года, когда еще великий князь был в Новгороде, пришла в Казань весть, что он потерпел поражение от новгородцев и сам-четверт убежал раненый. Хан поспешил воспользоваться благоприятным случаем и вооружился, но относительно похода казанцев в летописях встречаем разные показания: в некоторых говорится, что сам Ибрагим напал на Вятку, взял много пленных по селам, но города не взял ни одного и под Вяткою потерял много своих татар, стоявши под городом с масляницы до четвертой недели поста; в иных прибавлено, что и некоторые города передались хану; в других сказано, что хан пошел было и на Устюг, но задержан был разлившеюся рекою. Но в некоторых летописях говорится, что Ибрагим не пошел сам, а послал на Вятку войско, и когда пришла к нему справедливая весть, что великий князь покорил Новгород, то он отдал войску приказ возвратиться немедленно;

войско повиновалось так ревностно, что побежало, бросивши даже кушанье, которое варилось в котлах. Мы не можем видеть несогласимого противоречия в том, что хан сам пошел в поход или только отправил войско с воеводами: народная молва и самые летописцы легко могли приписать поход самому хану, хотя бы его и не было при войске; легко могло явиться выражение «приходил царь казанский» вместо «приходили татары казанские» или «приходил царевич казанский». Что же касается до известия о быстром отступлении вследствие приказа из Казани, то оно не противоречит известию об опустошении Вятской области и четырехнедельном стоянии под городом, ибо приказ возвратиться именно мог прийти после этого четырехнедельного стояния; наконец, относительно известия о походе к Устюгу легко можно допустить здесь отдельный отряд татарский.

Как бы то ни было, великий князь не хотел оставлять без внимания нарушение мира со стороны Ибрагимовой, и весною московские воеводы Образец и другие поплыли Волгою из Нижнего к Казани, опустошили волости и подплыли к городу; но сильная буря и дождь помешали приступу и заставили московское войско отступить; с другой стороны, вятчане и устюжане вошли Камою в казанские владения и также опустошили их; Ибрагим послал с челобитьем к великому князю и заключил мир на всей его воле; воля эта опять остается неизвестною.

До сих пор война с Казанью ограничивалась местию, опустошениями за опустошения; из мирных договоров, заключавшихся на воле великого князя московского, знаем только об обязательстве хана отпустить пленников; но скоро смерть Ибрагима и внутренние смуты, последовавшие за нею в Казани, дали московскому князю возможность утвердить здесь решительно свое влияние, впервые привести в зависимость татарское царство. После Ибрагима осталось двое сыновей от разных жен – старший Алегам (Али-хан) и младший Магмет-Аминь; около каждого из них образовалась своя сторона; Алегам с помощью ногаев оселил и сел на отцовском столе; но волнения не прекратились и подавали повод московскому князю вооруженною рукою вмешиваться в казанские дела, наконец молодой Магмет-Аминь явился в Москву бить челом великому князю, назвал его себе отцом и просил у него силы на брата Алегама. Иоанн обещал: ему тем более выгодно было видеть ханом в Казани Магмет-Аминя, что мать последнего, Нурсалтан, вышла замуж за крымского хана Менгли-Гирея, верного союзника Москвы, и скоро пришла весть из Казани, обещавшая удачу в предприятии; казанские вельможи прислали сказать великому князю: «Мы отпустили к тебе Магмет-Аминя для того, что если в случае Алегам станет с нами поступать дурно, то ты опять отпустишь к нам Магмет-Аминя; узнавши об этом, Алегам зазвал нас к себе на пир и хотел перерезать, мы убежали в степь; а он, укрепивши город, выступил за нами». Иоанн не стал более медлить и в апреле 1487 года послал на Казань большую рать под начальством князей Данилы Холмского, Александра Оболенского, Семена Ряполовского и Семена Ярославского, вслед за которыми отправил и Магмет-Аминя; войска, по обычаю, плыли на судах, лошадей гнали берегом. Алегам выехал против них со всею силою, но, побившись немного, убежал в город и заперся здесь. Казань была осаждена, обведена была острогом; осада продолжалась три недели, и каждый день Алегам делал вылазки; с другой стороны, много вреда русскому войску причинял князь Алгазый, оставшийся вне города; наконец воеводам удалось прогнать Алгазю за Каму, в степь; после этого изнемог и Алегам, сам выехал из города и отдался в руки воеводам 9 июля. На его место послан был Магмет-Аминь как подручник великого князя московского; крамольные князья и уланы казнены смертью; Алегам с женою сосланы в заточение в Вологду, мать его, братья и сестры – на Белоозеро в Карголом. Подручнические отношения Магмет-Аминя к московскому великому князю не выражаются несколько в формах их грамот; письма ханские начинаются так: «Великому князю Ивану Васильевичу всея Руси, брату моему, Магмет-Аминь, царь, челом бьет»; письма Иоанновы начинаются так же: «Магмет-Аминю, царю, брату моему, князь великий Иван челом бьет». Но, несмотря

на равенство в формах, письма Иоанновы к Магмет-Аминю заключают в себе приказания; так, например, муромские наместники поймали однажды казанского татарина, который ехал с товарами через Мордву, а Новгород-Нижний и Муром объехал, избывая пошлин. Узнав об этом, Иоанн писал Магмет-Аминю: «Ты бы в Казани и во всей своей земле заповедал всем своим людям, чтоб из Казани через Мордву и Черемису на Муром и Мещеру не ездил никто; а ездили бы из Казани все Волгою на Новгород-Нижний». Желая жениться на дочери ногайского хана, Магмет-Аминь испрашивал на то согласия великого князя; наконец, видим, что на казанские волости наложена была известная подать, шедшая в московскую казну и собираемая московскими чиновниками; так, Магмет-Аминь жаловался великому князю, что какой-то Федор Киселев притесняет цивильских жителей, берет лишние пошрины.

Но сам Магмет-Аминь возбудил против себя негодование вельмож казанских разного рода насилиями. В мае 1496 года он известил великого князя, что идет на него шибанский царь Мамук с большою силою, а внутри Казани измена: сносятся с неприятелем князя Калимет, Урак, Садырь и Агиш. Иоанн велел идти к нему на помощь воеводе своему, князю Семену Ряполовскому, с детьми боярскими московского двора и понизовых городов; когда Калимет с товарищами узнали о приближении московского войска, то выбежали из Казани к Мамуку, который также испугался и ушел домой. Но только что московское войско успело возвратиться, как недовольные казанцы дали об этом знать Мамуку, и тот явился под Казанью с большою силою ногайскою и князьями казанскими; Магмет-Аминь, боясь измены, выбежал из Казани с женою и верными князьями и приехал в Москву, где великий князь держал его в чести. Мамук вошел в Казань без сопротивления, но начал царствование тем, что схватил своих старых доброжелателей, Калимета с товарищами, ограбил купцов и всех земских людей. Князей он скоро выпустил и пошел с ними осаждать Арский город; но арские князья города своего ему не сдали и бились крепко; в то же время и князья казанские убежали из его стана в Казань, укрепили город, не пустили в него Мамука и послали в Москву бить челом великому князю, чтоб простил их за измену и пожаловал, не присылал бы к ним прежнего хана Магмет-Аминя, потому что от него большое насилие и бесчестие женам их. Великий князь исполнил их просьбу и вместо Магмет-Аминя послал в Казань младшего брата его, также сына Ибрагимова от Нурсалтан, Абдыл-Летифа, недавно приехавшего служить ему из Крыма и получившего в кормление Звенигород со всеми пошлинами. Князья Семен Холмской и Федор Палецкий посадили Летифа на царство и привели к присяге (шерти) за великого князя всех князей казанских, уланов и земских людей по их вере. Магмет-Аминю вместо Казани дали Каширу, Серпухов, Хотунь со всеми пошлинами; но он и здесь нрава своего не переменял, жил с насильством и алчно ко многим, по словам летописца.

Летиф недолго царствовал. Как видно, тот же самый князь Калимет, который был во главе недовольных Магмет-Аминем, потом оказался опасен Мамуку и был им схвачен, теперь не мог ужиться и с Летифом и действовал против него обвинениями в Москве; в январе 1502 года великий князь отправил в Казань князя Василия Ноздреватого и Ивана Телешова с приказом схватить Летифа за его неправду; Летиф был схвачен, привезен в Москву и сослан в заточенье на Белоозеро. По другим же известиям, Летиф был схвачен Калиметом, приехавшим для того из Москвы. Московский посол в Крыму объявил Менгли-Гирею о винах Летифа в неопределенных выражениях: «Великий князь его пожаловал, посадил на Казани, а он ему начал лгать, ни в каких делах управы не чинил, да и до земли Казанской стал быть лих». На место Летифа посажен был опять Магмет-Аминь, который не забыл, что Калимет был главным виновником его прежнего изгнания из Казани; может быть, Калимет своим поведением и своими отношениями к Москве убедил хана, что им двоим нельзя быть вместе в Казани. Магмет-Аминь убил Калимета, «держа гнев на великого князя», по словам летописца. По другим известиям, этот гнев еще более был воспламенен новою женою Магмет-Аминя, вдовою прежнего, царя казанского, Алегама, на которой вели-

кий князь позволил жениться: будучи научаема вельможами, она день и ночь шептала хану, чтоб отложился от Москвы. Весною 1505 года Магмет-Аминь прислал в Москву одного из своих князей с грамотою о каких-то делах; как видно, грамота заключала в себе жалобы, потому что великий князь отправил в Казань своего посла сказать хану, чтобы он всем тем речам не потакал. Этот отказ в удовлетворении жалоб послужил Магмет-Аминю поводом к отложению от Москвы: посол великокняжеский был схвачен вместе с русскими купцами, приехавшими на ярмарку 24 июня, некоторые из них были убиты, другие ограблены и отосланы к ногаям, после чего Магмет-Аминь подходил к Нижнему Новгороду, который был спасен искусством и храбростью пленных стрельцов литовских, взятых на Ведроше и сосланных в Нижний. Скоро последовавшая за тем смерть великого князя дала хану возможность наслаждаться своим торжеством безнаказанно.

Прочнее, чем на низовьях Камы, утвердилось русское владычество в верхних ее частях. Мы видели, что еще в княжение Димитрия Донского св. Стефан крестил часть народонаселения Пермской земли, именно зырян; из описаний этого события видно, что последние еще прежде были подчинены великим князьям московским: св. Стефан является ходатаем за новообращенных перед правительством; дело Стефана в Перми довершено было одним из преемников его: под 1462 годом встречаем известие, что епископ пермский Иона крестил Великую Пермь и князя ее, поставил церкви, игуменов и священников. В каком отношении находилась эта Великая Пермь и князь ее к Москве, мы не знаем; новгородцы даже в Шелонском договоре включили Пермь в число своих владений, но тотчас по заключении этого договора, в 1472 году, великий князь послал воеводу князя Федора Пестрого на пермяков за их неисправление; 26 июня пришла в Москву весть, что Пестрый завоевал Пермскую землю; с устья Черной реки воевода плыл на плотях с лошадьми до городка Анфаловского; здесь сошел с плотов и отправился на лошадях в верхнюю землю, к городку Искору, отпустивши отряд под начальством Нелидова в нижнюю землю, на Урос, Чердынь и Почку, где владел князь Михаил. Не доходя до Искора, на реке Колве, Пестрый встретил пермскую рать, разбил ее, взял в плен воеводу Качаима. Отсюда русские пошли к Искору, взяли его, взяли и другие городки и пожгли; Нелидов делал то же в нижней земле. Пришедши на место, где река Почка впадает в Колву, Пестрый *создался* со всеми своими отрядами, срубил городок, сел в нем и привел всю землю за великого князя, к которому отправил пленного князя Михаила с воеводами его и добычу – шестнадцать сороков соболей, шубу соболю, двадцать девять с половиною поставов сукна, три панциря, шлем и две сабли булатные. После, впрочем, во все продолжение княжения Иоаннова в Перми оставались туземные князья; последним из них был Матвей Михайлович, вероятно сын упомянутого выше Михаила; этого Матвея великий князь свел с Великой Перми в 1505 году и послал туда первого русского наместника, князя Василия Ковра.

Новгородцы и Югру причисляли к своим волостям; но мы видели, как непрочно было там их владычество. В 1465 году Иоанн велел устюжанину Василию Скрыбе воевать Югорскую землю; с ним пошли охочие люди, пошел также князь Василий Ермолаич Вымский с вымичами и вычегжанами. Выведши много полона, они привели Югорскую землю за великого князя, двоих князей доставили в Москву, где великий князь пожаловал их опять югорским княжением и отпустил домой, наложивши дань. Давно уже вогуличи нападали на русские владения в Перми; мы видели, что епископ Питирим, один из преемников св. Стефана, пал их жертвою. В 1467 году 120 человек вятчан вместе с пермяками воевали вогуличей и взяли в плен князя их Асыку. В 1481 году вогуличи напали на Великую Пермь, проникли до Чердыни, но здесь настигли их устюжане под начальством Андрея Мишнева и побиили. Асыка каким-то образом успел освободиться из плена, и в 1483 году великий князь послал на него воевод – князя Федора Курбского Черного и Салтыка Травина с устюжанами, вологжанами, вычегжанами, вымичами, сысоличами, пермяками. На устье Полыми встретили они

вогуличей и разбили с потерей только семи человек своих, отсюда пошли вниз по Тавде, мимо Тюмени в Сибирскую землю, дорогою воевали, добра и пленных взяли много; от Сибири пошли вниз по Иртышу, с Иртыша на Обь, в Югорскую землю, где взяли в плен большого ее князя Молдана и других, и возвратились в Устюг 1 октября, вышедши оттуда 9 мая. В 1485 году по старанию пермского епископа Филофея князья югорские, кодские – Молдан, отпущенный из плена с детьми, да трое других – заключили мир под владычным городом Усть-Вымским с князьями вымскими – Петром и Федором, с вычегодским сотником и с владычным слугою, клялись лиха не мыслить и не нападать на пермских людей, а пред великим князем вести себя исправно; для подкрепления клятвы пили воду с золота, по своему обычаю. В последний год XV века был последний поход на Югорскую землю, на вогуличей, ходили воеводы: князь Семен Курбский, Петр Ушатый и Заболоцкий-Бражник с 5000 устюжан, двинян, вятчан; разными реками и волоками достигли Печоры, построили на берегу крепость и отсюда отправились за Уральские горы, которые перешли с большим трудом.

Так утверждение русского владычества на Каме, в Перми имело необходимым следствием подчинение и отдаленнейших стран северо-восточных, переход через Уральские горы, потому что дикие жители этих стран нападали на Пермь и тем самым вызывали на себя русское оружие. Но, вдаваясь все более и более на северо-восток по искони принятому направлению, распространяясь легко на счет диких финских племен, редко разбросанных по огромным пространствам, русские владения не могли с такою же легкостью распространяться на юго-восток, ибо там еще стояли своими вежами татары, ослабленные разделением на несколько орд, потерявшие для Руси прежнее значение безусловных повелителей, но в первую половину княжения Иоаннова еще не отказывавшиеся от притязаний на дань и долго после опасные, как разбойники неукротимые. Казань благодаря усобице между детьми Ибрагимовыми была приведена в волю великого князя московского, но отложила перед смертью Иоанна и после долгих усилий окончательно была покорена только при внуке его. Золотая Орда рассыпалась окончательно при Иоанне III, но перед падением своим привела в сильный страх Московское государство, не оставляя своих притязаний на господство над ним. Увлекаемый новгородцами в борьбу с московским князем и не имея досуга и средств к этой борьбе, Казимир литовский хотел остановить Иоанна посредством татар. В 1471 году он послал в Золотую Орду к хану Ахмату татарина Кирея Кривого, холопа Иоаннова, бежавшего от своего господина в Литву. Приехавши к Ахмату, Кирей начал говорить ему от короля на московского князя многие речи лживые и обговоры, поднес богатые дары хану и всем вельможам его и бил челом, чтоб вольный царь пожаловал, пошел на московского князя со всею Ордою, а король с другой стороны пойдет на Москву со всею своею землею; вельможи были за короля, но хану в это время был недосуг; целый год продержал он у себя Кирея, не имея с чем отпустить его, а между тем вятчане, приплывши Волгою, овладели Сараем во время отсутствия хана, разграбили город, взяли пленных множество.

Не успевши вовремя отвлечь Иоанна от Новгорода, Ахмат пришел к московским границам только летом 1472 года, когда новгородский поход был уже кончен и великий князь мог направить все свои силы в одну сторону. Узнавши, что хан под Алексинем, Иоанн велел идти к Оке братьям своим и воеводам и сам немедленно поехал в Коломну, а оттуда в Ростиславль, куда велел следовать за собою и сыну Иоанну. В Алексине было мало ратных людей, не было ни пушек, ни пищалей, ни самострелов, никакого городского пристрою, и потому великий князь велел воеводе алексинскому Беклемишеву оставить город по невозможности держаться в нем, но воевода не хотел выйти из города, не взявши посула с жителей; те давали ему пять рублей, но он требовал шестого для жены, и, в то время как происходила эта торговля, татары повели приступ. Воевода бросился с женою и слугами на другой берег, татары кинулись также в Оку догонять его, но поймать не могли, потому что в это время

приспел на берег князь Василий Михайлович Верейский и не дал им переправиться. В тот же день пришли к Оке двое братьев Иоанновых, Юрий из Серпухова и Борис с Козлова Броду, да воевода Петр Челяднин с двором великого князя. Хан велел своим взять Алексин, но граждане храбро оборонялись и побили много татар. Скоро, однако, нечем стало более обороняться, не осталось ни стрелы, ни копья; татары зажгли город, и он сгорел с людьми и добром их; кто же выбежал из огня, те попались в руки татарам. Князь Юрий Васильевич и воеводы стояли на другом берегу и плакали, но помочь не могли по глубине Оки в этом месте. После хан спросил одного пленника: «Куда девались алексинцы? Сгорело их мало и в плен попало также мало?» Пленник, которому посулили свободу за открытие, объявил, что более тысячи человек со всем добром убежали в тайник, выведенный к реке; татары взяли тайник, и тут уже ни один алексинец не ушел от них. Истреблением Алексина, впрочем, и ограничились все успехи Ахмата; слыша, что сам великий князь стоит в Ростиславле, царевич Даньяр Касимович с татарами и русскими – в Коломне, брат великого князя Андрей Васильевич – в Серпухове, видя перед собою многочисленные полки князя Юрия, как море колеблющиеся в светлом вооружении, хан двинулся назад, в свои улусы. По некоторым же известиям, Ахмат принужден был отступить вследствие моровой язвы, открывшейся в его войске; впрочем, страх Ахматов будет понятен и без моровой язвы, если справедливо известие одного летописца, что у русских было 180000 войска, стоявшего в разных местах на пространстве 150 верст.

После этого, как видно, заключен был мир между Ахматом и великим князем; под 1474 годом встречаем известие о приходе из Орды Никифора Басенка с Ахматовым послом Кара-Кучуком, который привел с собою 600 татар, принадлежавших к посольству, получавших поэтому пищу от великого князя, кроме 3200 купцов, приведших на продажу более 40000 лошадей. В 1476 году приехал в Москву новый посол от Ахмата звать великого князя в Орду; Иоанн отправил с ним к хану своего посла Бестужева, неизвестно с какими речами. Известно только то, что эти речи не понравились; есть известие, впрочем сильно подозрительное, что когда хан отправил в Москву новых послов с требованием дани, то Иоанн взял *басму* (или ханское изображение), изломал ее, бросил на землю, растоптал ногами, велел умертвить послов, кроме одного, и сказал ему: «Ступай объяви хану: что случилось с его басмою и послами, то будет и с ним, если он не оставит меня в покое». Гораздо вероятнее другое известие, что великую княгиню Софию оскорбляла зависимость ее мужа от степных варваров, зависимость, выражавшаяся платежом дани, и что племянница византийского императора так уговаривала Иоанна прервать эту зависимость: «Отец мой и я захотели лучше отчины лишиться, чем дань давать; я отказала в руке своей богатым, сильным князьям и королям для веры, вышла за тебя, а ты теперь хочешь меня и детей моих сделать данниками; разве у тебя мало войска? Зачем слушаешься рабов своих и не хочешь стоять за честь свою и за веру святую?» К этому известию прибавляют, будто по старанию Софии у послов и купцов татарских взято было Кремлевское подворье, будто София уговорила Иоанна не выходить пешком навстречу к послам ордынским, привозившим басму, будто древние князья кланялись при этом послам, подносили кубок с кумысом и выслушивали ханскую грамоту, стоя на коленях; будто Иоанн для избежания этих унижительных обрядов сказывался больным при въезде послов ханских; но можно ли допустить, чтоб отец и дед Иоаннов подвергались этим обрядам, если даже допустим, что иностранцы, свидетельствующие о них, и сказали полную правду?

Как бы то ни было, вероятно, что Ахмат не был доволен поведением Иоанна и в 1480 году, заслышав о восстании братьев великого князя и согласившись опять действовать заодно с Казимиром литовским, выступил на Москву; летописцы говорят, что и на этот раз король был главным подстрекателем. Получивши весть о движении Ахмата, великий князь начал отпускать воевод на берега Оки: брата, Андрея Меньшого, отправил в Тарусу, сына,

Иоанна, – в Серпухов и, получивши весть, что хан приближается к Дону, отправился сам в Коломну 23 июля. Но хан, видя, что по Оке расставлены сильные полки, взял направление к западу, к Литовской земле, чтоб проникнуть в московские владения чрез Угру; тогда Иоанн велел сыну и брату спешить туда; князья исполнили приказ, пришли к Угре прежде татар, отняли броды и перевозки.

В Москве сели в осаде: мать великого князя инокиня Марфа, князь Михаил Андреевич Верейский, митрополит Геронтий, ростовский владыка Вассиан, наместник московский князь Иван Юрьевич Патрикеев с дьяком Василием Мамыревым; а жену свою, великую княгиню Софию (римлянку, как выражаются летописцы), Иоанн послал вместе с казною на Белоозеро, давши наказ ехать далее к морю и океану, если хан перейдет Оку и Москва будет взята. Касательно самого великого князя мнения разделились: одни, приводя непостоянства военного счастья, указывая на пример великого князя Василия Васильевича, взятого в плен казанскими татарами в Суздальском бою, указывая на бедствия, бывшие следствием этого плена, думали, что Иоанн не должен выводить войска против татар, но должен удалиться на север, в места безопасные; другие же, особенно духовенство, и из духовных преимущественно Вассиан, архиепископ ростовский, по талантам, грамотности и энергии выдававшийся на первый план, думали, что великий князь должен оставаться с войском на границах; летописец, оставивший нам подробнейший рассказ о событии, держался того же мнения и сильно вооружался против людей, настаивавших на удалении великого князя от границ, именно против двоих приближенных бояр, Ивана Васильевича Ощеры и Григория Андреевича Мамона. По его словам, эти богатые люди думали только о богатстве своем, о женах, о детях, хотели укрыть их и самих себя в безопасных местах и припоминали Иоанну Суздальский бой, как отца его взяли татары в плен и били; припоминали, что когда Тохтамыш приходил, то великий князь Димитрий бежал в Кострому, а не бился с ханом. Но должно заметить, что летописец, равно как и Вассиан в послании своем, удивительным для нас образом смешивают две вещи: удаление великого князя от войска и бегство целого войска, покинутое государства на жертву татарам, что, по их словам, Ощера и Мамонов именно советовали. Великий князь, оставя войско на берегу Оки и приказавши сжечь городок Каширу, поехал в Москву, чтоб посоветоваться с матерью, митрополитом и боярами, а князю Даниилу Холмскому дал приказ – по первой присылке от него из Москвы ехать туда же вместе с молодым великим князем Иоанном. 30 сентября, когда москвичи перебирались из посадов в Кремль на осадное сиденье, вдруг увидали они великого князя, который въезжал в город вместе с князем Федором Палецким; народ подумал, что все кончено, что татары идут по следам Иоанна; в толпах послышались жалобы: «Когда ты, государь великий князь, над нами княжишь в кротости и тихости, тогда нас много в безлепце продаешь; а теперь сам разгневал царя, не платя ему выхода, да нас выдаешь царю и татарам». В Кремле встретили Иоанна митрополит и Вассиан; ростовский владыка, называя его бегуном, сказал ему: «Вся кровь христианская падет на тебя за то, что, выдавши христианство, бежишь прочь, бою с татарами не поставивши и не бившись с ними; зачем боишься смерти? Не бессмертный ты человек, смертный; а без року смерти нет ни человеку, ни птице, ни зверю; дай мне, старику, войско в руки, увидишь, уклоню ли я лицо свое перед татарами!» Великий князь, опасаясь граждан, не поехал на свой кремлевский двор, а жил в Красном сельце; к сыну послал грамоту, чтоб немедленно ехал в Москву, но тот решился лучше навлечь на себя гнев отцовский, чем отъехать от берега. Видя, что грамоты сын не слушает, Иоанн послал приказание Холмскому: схвативши силою молодого великого князя, привезти в Москву; но Холмской не решился употребить силы, а стал уговаривать Иоанна, чтоб ехал к отцу; тот отвечал ему: «Умру здесь, а к отцу не пойду». Он устерег движение татар, хотевших тайно переправиться через Угру и внезапно броситься на Москву: их отбили от русского берега с большим уроном.

В Москве мнение Вассиана превозмогло: проживши две недели в Красном сельце, приказавши Патрикееву сжечь московский посад и распорядившись переводом дмитровцев в Переяславль для осады, а москвичей в Дмитров, великий князь отправился к войску. Перед отъездом митрополит со всем духовенством благословил его крестом и сказал: «Бог да сохранит царство твое силою честного креста и даст тебе победу на врагов; только мужайся и крепись, сын духовный! Не как наемник, но как пастырь добрый, полагающий душу свою за овцы, потщись избавить врученное тебе словесное стадо Христовых овец от грядущего ныне волка; и господь бог укрепит тебя и поможет тебе и всему твоему христоролюбивому воинству». Все духовенство в один голос сказало: «Аминь, буди тако. Господу ти помогающе!» Иоанн отправился, но стал не на Угре, в виду татар, а в Кременце, на реке Луже, в тридцати верстах от Медыни, где теперь село Кременецкое. Здесь опять Ощера и Мамон начали советовать ему удалиться; на этот раз, впрочем, Иоанн не поехал в Москву, но попытался, нельзя ли кончить дело миром, и отправил к хану Ивана Товаркова с челобитьем и дарами, прося жалованья, чтоб отступил прочь, а улусу своего не велел воевать. Хан отвечал: «Жалую Ивана; пусть сам приедет бить челом, как отцы его к нашим отцам ездили в Орду». Но великий князь не поехал; слыша, что Иоанн сам ехать не хочет, хан прислал сказать ему: «Сам не хочешь ехать, так сына пришли или брата». Не получивши ответа, Ахмат послал в третий раз: «Сына и брата не пришлешь, так пришли Никифора Басенкова». Никифор этот был уже раз в Орде и много даров давал от себя татарам, за что и любили его хан и все князья. Но Иоанн не послал и Басенкова: говорят, к этому решению побудило его послание Вассиана, который, узнавши о переговорах, писал так великому князю:

«Благоверному и христоролюбивому, благородному и богом венчанному и богом утвержденному, в благочестии всей вселенной в концы воссиявшему, в царях пресветлейшему, преславному государю великому князю Ивану Васильевичу всея Руси богомолец твой, архиепископ Вассиан Ростовский, благословляю и челом бью. Молю величество твое, благолюбивый государь! Не прогневайся на мое смирение, что прежде дерзнул устами к устами говорить твоему величеству твоего ради спасения: потому что наше дело напоминать вам, а ваше слушать нас; теперь же дерзнул я написать к твоему благородству, хочу напомнить тебе немного от св. Писания, сколько бог вразумит меня, на крепость и утверждение твоей державе». Напомнив Иоанну, как он приезжал в Москву, как, повинувшись общему молению и доброй думе, обещал бороться с Ахматом и не слушать людей, отвлекающих его от этой борьбы, Вассиан продолжает: «Ныне слышим, что бусурманин Ахмат уже приближается и христианство губит; ты пред ним смиряешься, молишь о мире, посылаешь к нему, а он гневом дышит, твоего моления не слушает, хочет до конца разорить христианство. Не унывай, но возверзи на господя печаль твою, и той ты пропитает. Дошел до нас слух, что прежние твои развратники не перестают шептать тебе в ухо льстивые слова, советуют не противиться супостатам, но отступить и предать на расхищение волкам словесное стадо Христовых овец. Молюсь твоей державе, не слушай их советов! Что они советуют тебе, эти льстецы лжеименитые, которые думают, будто они христиане? Советуют бросить щиты и, не сопротивляясь нимало окаянными этим сыроядцам, предать христианство, свое отечество и, подобно беглецам, скитаться по чужим странам. Помысли, великомудрый государь! От какой славы в какое бесчестие сведут они твое величество, когда народ тьмами погибнет, а церкви божии разорятся и осквернятся. Кто каменносердечный не всплачется об этой гибели? Убойся же и ты, пастырь! Не от твоих ли рук взыщет бог эту кровь? Не слушай, государь, этих людей, хотящих честь твою преложить в бесчестие и славу твою в бесславие, хотящих, чтоб ты сделался беглецом и назывался предателем христианским; выйди навстречу безбожному языку агарянскому, поревнуй прародителям твоим, великим князьям, которые не только Русскую землю обороняли от поганых, но и чужие страны брали под себя: говорю об Игоре, Святославе, Владимире, бравших дань на царях греческих, о Владимире Мономахе, который бился

с окаянными половцами за Русскую землю, и о других многих, о которых ты лучше моего знаешь. А достохвальный великий князь Димитрий, твой прародитель, какое мужество и храбрость показал за Доном над теми же сыроядцами окаянными! Сам наперед бился, не пощадил живота своего для избавления христианского, не испугался множества татар, не сказал сам себе: „У меня жена и дети и богатства много, если и землю мою возьмут, то в другом месте поселюсь“, но, не сомневаясь нимало, воспрянул на подвиг, наперед выехал и в лицо стал против окаянного разумного волка Мамаю, желая похитить из уст его словесное стадо Христовых овец. За это и бог послал ему на помощь ангелов и мучеников святых; за это и до сих пор восхваляется Димитрий и славится не только людьми, но и богом. Так и ты поревнуй своему прародителю, и бог сохранит тебя; если же вместе с воинством своим и до смерти постраждешь за православную веру и святые церкви, то блаженны будете в вечном наследии. Но, быть может, ты опять скажешь, что мы находимся под клятвою прародительскою не поднимать рук на хана, то послушай: если клятва дана по нужде, то нам повелено разрешать от нее, и мы прощаем и разрешаем, благословляем тебя идти на Ахмата не как на царя, но как на разбойника, хищника, богоборца; лучше, солгавши, получить жизнь, чем, соблюдая клятву, погибнуть, т. е. пустить татар в землю на разрушение и истребление всему христианству, на запустение и осквернение святых церквей и уподобиться окаянному Ироду, который погиб, не желая преступить клятвы. Какой пророк, какой апостол или святитель научил тебя, великого русских стран христианского царя, повиноваться этому богостыдному, оскверненному, самозваному царю? Не столько за грехи и неисправление к богу, сколько за недостаток упования на бога бог попустил на прародителей твоих и на всю землю нашу окаянного Батыя, который разбойнически попленил всю землю нашу, и поработил, и воцарился над нами, не будучи царем и не от царского рода. Тогда мы прогневали бога, и он на нас разгневался, как чадолюбивый отец; а теперь, государь, если каешься от всего сердца и прибегаешь под крепкую руку его, то помилует нас милосердный господь».

Ахмат, не пускаемый за Угру полками московскими, все лето хвалился: «Даст бог зиму на вас: когда все реки станут, то много дорог будет на Русь». Опасаясь исполнения этой угрозы, Иоанн, как только стала Угра 26 октября, велел сыну, брату Андрею Меньшому и воеводам со всеми полками отступить к себе на Кременец, чтоб биться соединенными силами; этот приказ нагнал ужас на ратных людей, которые бросились бежать к Кременцу, думая, что татары перешли уже чрез реку и гонятся за ними; но Иоанн не довольствовался отступлением к Кременцу: он дал приказ отступить еще от Кременца к Боровску, обещая дать битву татарам в окрестностях этого города. Летописцы опять говорят, что он продолжал слушаться злых людей, сребролюбцев, богатых и тучных предателей христианских, потаковников бусурманских. По Ахмат не думал пользоваться отступлением русских войск; простоявши на Угре до 11 ноября, он пошел назад чрез литовские волости, Серенскую и Мценскую, опустошая земли союзника своего Казимира, который, будучи занят домашними делами и отвлечен набегом крымского хана на Подолию, опять не исполнил своего обещания. Один из сыновей Ахматовых вошел было в московские волости, но был прогнан вестью о близости великого князя, хотя за ним в погоню пошли только братья великокняжеские. О причинах отступления Ахматова в летописях говорится разное: говорится, что когда русские начали отступать от Угры, то неприятель, подумав, что они уступают ему берег и хотят биться, в страхе побежал в противную сторону. Но положим, что татары подумали, будто русские отступают для завлечения их в битву; все же они отступали, а не нападали; следовательно, татарам не для чего было бежать; потом великий князь дал приказание своим войскам отступить от Угры, когда эта река стала, она стала 26 октября; положим, что между установлением ее и приказанием великого князя протекло несколько дней, но все же не пятнадцать, ибо хан пошел от Угры только 11 ноября; следовательно, если мы даже и допустим, что татары побежали, видя отступление русских, то должны будем допустить, что они потом

остановились и, подождав еще до 11 ноября, тогда уже выступили окончательно в обратный поход. Другие летописцы говорят правдоподобнее, что с Дмитриева дня (26 октября) стала зима и реки все стали, начались лютые морозы, так что нельзя было смотреть; татары были наги, босы, ободрались; тогда Ахмат испугался и побежал прочь 11 ноября. В некоторых летописях находим известие, что Ахмат бежал, испугавшись примирения великого князя с братьями. Все эти причины можно принять вместе: Казимир не приходил на помощь, лютые морозы мешают даже смотреть, и в такое-то время года надобно идти вперед, на север, с нагим и босым войском и прежде всего выдержать битву с многочисленным врагом, с которым после Мамая татары не осмеливались вступать в открытые битвы; наконец, обстоятельство, главным образом побудившее Ахмата напасть на Иоанна, именно усобица последнего с братьями, теперь более не существовало.

Ахмат возвращался в степь с добычей, награбленной им в областях литовских. На отнимку этой добычи отправился хан Шибанской, или Тюменской, орды Ивак, соединившись с ногаями. Ахмат, не подозревая опасности, разделился с своими султанами и с малым числом войска, без всякой осторожности стал зимовать на устьях Донца. Здесь 6 января 1481 года напал на него Ивак и собственноручно убил сонного, после чего отправил к великому князю посла объявить, что супостата его уже нет больше; Иоанн принял посла с честью, дарил и отпустил с дарами для Ивака. Таким образом, последний грозный для Москвы хан Золотой Орды погиб от одного из потомков Чингисхановых; у него остались сыновья, которым также суждено было погибнуть от татарского оружия. Еще в княжение Василия Темного стала известной Крымская орда, составленная Едигеем из улусов черноморских; но сыновья Едигеевы погибли в усобицах, и родоначальником знаменитых в нашей истории Гиреев крымских был Ази-Гирей, сохранявший во все продолжение своей жизни дружбу с Казимиром литовским. Но сын Ази-Гиреев Менгли-Гирей вследствие жестокой наследственной вражды с ханами Золотой Орды почел за лучшее сблизиться с великим князем московским, чтоб вместе действовать против общих врагов; еще в 1474 году началось это сближение. Как дорожил Иоанн союзом Менгли-Гиреевым, имея в виду не одного Ахмата, но также и Литву, и как еще не отвыкли в описываемое время от уважения к ханам или царям татарским, видно из тона посольств и грамот Иоанна к Менгли-Гирею: посол московский, боярин Никита Беклемишев, должен был говорить хану от имени своего государя: «Князь великий Иван *челом бьет*: посол твой Ази-Баба говорил мне, что хочешь меня *жаловать*, в братстве, дружбе и любви держать, точно так, как ты с королем Казимиром в братстве, дружбе и любви. И я, слышав твое жалованье и видев твой ярлык, послал к тебе бить челом боярина своего Никиту, чтоб ты пожаловал, как начал меня жаловать, так бы и до конца жаловал». Но, соблюдая такие учтивости в речах посольских, Иоанн не хотел, однако, чтоб хан на этом основании позволил себе слишком повелительный тон в своих грамотах: по великокняжескому наказу Беклемишев должен был отговаривать, чтоб в договорной грамоте не было слов: «Я, Менгли-Гирей, царь, *пожаловал*, заключил с своим братом» и проч. Но если такова будет форма договорных грамот между Менгли-Гиреем и королем, то посол мог допустить выражение: *пожаловал*, если Беклемишев успеет отговориться от этого *пожалования*, то очень будет хорошо, если же не успеет, то делать нечего, пусть впишут в ярлык. Заключая союз с врагом Ахмата, чтоб удобнее при случае бороться с последним, Иоанн, однако, не хотел первый начинать этой борьбы и потому наказал своему послу отговаривать, чтоб в ярлыке не было сказано быть заодно именно на Ахмата, но чтоб было сказано вообще: «Быть на всех недругов заодно»; если же посол не успеет отговорить, то должен требовать внесения в ярлык следующего условия: «Если Ахмат или Казимир пойдут на Москву, то Менгли-Гирей сам должен идти на них или брата послать»; Беклемишев никак не должен был соглашаться на условие прервать сношения с Ахматом, не отправлять к нему послов, на требование этого условия Беклемишев должен был отвечать: «Послы между Москвою и Ордою не

могут не ходить, потому что господаря отчина с Ахматом на одном поле». Если царь станет требовать поминков, какие шлет ему король, то посол должен был отговаривать и ярлыка не брать; если же царь захочет написать в ярлык: «Поминки ко мне слать и их не умаливать», то посол должен был отговаривать и это условие, но в случае нужды мог согласиться на него.

Беклемишеву удалось отговориться от поминков, но он должен был согласиться вписать в ярлык *пожалование*; грамота была написана так: «Вышнего бога волею я, Менгли-Гирей, царь, пожаловал с братом своим, великим князем Иваном, взял любовь, братство и вечный мир от детей на внучат. Быть нам везде заодно, другу другом быть, а недругу недругом. Мне, Менгли-Гирею царю, твоей земли и тех князей, которые на тебя смотрят, не воевать, ни моим уланам, ни князьям, ни козакам; если же без нашего ведома люди наши твоих людей повоюют и придут к нам, то нам их казнить и взятое отдать и головы людские без окупа выдать. Если мой посол от меня пойдет к тебе, то мне его к тебе послать без пошлин и без пошлинных людей, когда же твой посол ко мне придет, то он идет прямо ко мне. Пошлинам *даражским* (дарага, или дорога, – сборщик податей) и никаким другим пошлинам не быть. На всем на этом, как писано в ярлыке, я, Менгли-Гирей царь, с своими уланами и князьями тебе, брату своему, великому князю Ивану, молвя крепкое слово, шерть (клятву) дал: жить нам с тобою по этому ярлыку». После форма грамот Иоанновых к Менгли-Гирею была такая: «Государь еси великой, справедливой и премудрой, межи бессерменскими государи прехвальной государь, брат мой Менгли-Гирей, царь. Бог бы государство твое свыше учинил. Иоанн божьею милостью, един правой государь всея Руси, отчич и дедич и иным многим землям от севера и до востока государь. Величеству твоему брата твоего слово наше то. Приказывал еси к нам» и проч.

Послами в Крым обыкновенно отправлялись люди знатные, бояре; однажды случилось послать человека незначительного (паробка), и великий князь спешил извиниться, писал к хану: «На Литву проезду нет, а полем пути истомны». Важность, которую великий князь придавал крымским отношениям по поводу дел ордынских и литовских, заставляла его распорядиться так, что в Крыму был постоянно русский посол; так Иоанн наказывал послу своему Шеину не уезжать из Крыма ни весною, ни летом и хлопотать, чтоб царь шел или на Орду, или на короля, а великого князя обсыпать обо всем; послы получали также наказ не уезжать до приезда других. Князь Семен Ромодановский, отправляясь послом в Крым, получил такой наказ: «Если от каких-нибудь других государей будут послы у царя Менгли-Гирея, от турецкого или от иных, то ему, Ромодановскому, ни под которым послом у царя не садиться и остатков у него после них не брать».

Несмотря на то что в договоре именно было внесено условие не требовать пошлин, алчность татар заставляла великого князя постоянно наказывать послам своим: «Станет царь посла своего отправлять к великому князю, то говорить: „Как пожаловал царь великого князя, братом и другом себе учинил и правду (клятву) на том дал, потому бы и жаловал, посла своего послал бы без пошлин“». Татары любили также отправлять с послами множество лишних людей, которые в Москве кормились на счет великого князя и брали у него подарки, что было отяготительно, особенно для бережливого Иоанна; поэтому он наказывал послам своим говорить царю, чтоб с крымскими послами лишних людей не было. В договоре не упомянуто было о поминках; несмотря на то, хан постоянно их требовал, писал: «Ныне братству примета то, ныне тот запрос: кречеты, соболи, рыбий зуб». Вельможи Менгли-Гирея подражали своему хану, привязывались ко всякому случаю, чтоб выманить подарки; так, царевич Ямгурчей прислал сказать: «Я нынче женился и сына женил; так бы князь великий пожаловал, прислал шубу соболью, да шубу горностаевую, да шубу рысью. Да великий князь пожаловал, прислал мне третьего года панцирь; я ходил на недругов и панцирь истерял; так великий князь пожаловал бы, новый панцирь прислал». Менгли-Гирей объявил требование на дань с одоевских князей, писал великому князю: «Исстарины одоевских горо-

дов князя давали нам ежегодно тысячу алтын ясаку, а дарагам другую тысячу давали, по тому обычаю я и послал дарагу их Бахшеиша». Иоанн отвечал: «Одоевских князей больших не стало, отчина их пуста, а другие князья Одоевские нам служат, мы их кормим и жалуем своим жалованием, а иных князей Одоевских жребии за нами. Что они тебе давали и твоему человеку, тем я их жаловал, и им нечего давать, отчина их пуста, и теперь твоего человека я же жаловал, а им нечего давать. Так ты бы Одоевским князьям вперед свою пошлину отложил, да и дараг их к ним не посылал за своею пошлиною для меня».

Менгли-Гирея, его царевичей, уланов и князей еще удерживало от требований то обстоятельство, что они имели нужду в великом князе московском: между царевичами происходили усобицы, один изгонял другого; изгнанники находили убежище и кормление в московских владениях: в 1476 году Менгли-Гирей был изгнан Ахматом, и место его получил Зенебек, но последний не считал себя прочным в Крыму и потому просил Иоанна, чтоб в случае изгнания дал ему у себя убежище; великий князь отвечал: «Прислал ты ко мне своего человека, который говорил, что если по грехам придет на тебя истома, то мне бы дать тебе опочив в своей земле. Я и прежде твоего добра смотрел, когда еще ты был козаком; ты и тогда ко мне также приказывал, что если конь твой будет потен, то мне бы тебе в своей земле опочив дать. Я и тогда тебе опочив в своей земле давал; и нынче добру твоему рад везде; каковы твои дела будут после и захочешь у меня опочива; то я тебе опочив в своей земле дам и истому твою подниму». Предчувствие Зенебека сбылось: он был изгнан Менгли-Гиреем; Иоанн принял его и еще двоих братьев Менгли-Гиреевых: Нордоулата и Айдара. Извещая хана о принятии этих царевичей, великий князь писал: «Держу их у себя, истому своей земле и своим людям чиню для тебя».

Но и сам Менгли-Гирей просил Иоанна, чтоб тот принял его в случае беды; великий князь велел ему отвечать, что поднимет его истому на своей голове, и дал ему крепкую грамоту с золотою печатью: «Дай господи, чтоб тебе лиха не было, брату моему, Менгли-Гирею, царю, а если что станется, какое дело о юрте отца твоего, и приедешь ко мне; то от меня, от сына моего, братьев, от великих князей и от добрых бояр тебе, царю, братьям и детям твоим, великим князьям и добрым слугам лиха никакого не будет: добровольно прийдешь, добровольно прочь пойдешь, нам тебя не держать. А сколько силы моей станет, буду стараться достать тебе отцовское место». В 1475 году Крым был завоеван турками; Менгли-Гирей остался ханом в качестве подручника султана; сначала Менгли-Гирей не жаловался на турок, но под конец писал к Иоанну: «Султан посадил в Кафе сына своего: он теперь молод и моего слова слушается, а как вырастет, то слушаться перестанет, я также не стану слушаться, и пойдет между нами лихо: две бараньих головы в один котел не лезут». Иоанн отвечал, что будет стоять на той крепкой своей грамоте, которую уже раз дал ему.

Кроме того, как было уже сказано, союз Крыма с Москвою скреплялся враждою Менгли-Гирея к Ахмату, а потом к его сыновьям. Мы видели, что Иоанн и Менгли-Гирей обязались в договорной грамоте иметь одних врагов и друзей, не означая именно кого, но в грамоте своей 1475 года Менгли-Гирей говорит, что, присягая исполнить договор, он выговорил Иоаннова недруга, короля, великий же князь, присягая перед послом крымским, выговорил Менгли-Гиреева недруга, Ахмата, и потому он, Менгли-Гирей, готов на всякого недруга Иоаннова, даже и на короля; зато и великий князь обязан выслать своих служилых татарских царевичей против Ахмата, если последний пойдет на Крым. По смерти Ахмата вследствие требования султана турецкого, который не мог с удовольствием смотреть на усобицы магOMETанских владельцев, сыновья Ахматовы помирились с Менгли-Гиреем; но когда в 1485 году один из них, Муртоза, выгнанный голодом из своих обычных кочевьев, пришел зимовать в Крым, то Менгли-Гирей схватил его и отослал в Кафу, потом отправил на Темиров улус брата своего, который разогнал и остаток Орды; но другой Ахматов сын, Махмуд, соединившись с князем Темиром, напал на Крым, освободил Муртозу, а Менгли-Гирей едва

успел спастись тайным бегством с бою. Великий князь отрядил войско на улусы Ахматовых сыновей, и оно успело освободить многих крымских пленников, которых отослали к Менгли-Гирею. Муртоза после этого вздумал посадить в Крыму вместо Менгли-Гирея брата его, Нордоулата; но так как последний находился на службе у Иоанна, то сын Ахматов прислал московскому князю такую грамоту: «Муртозино слово Ивану: ведомо тебе будь, что Нордоулат, царь, с отцом моим и со мною был в любви, помирились мы с Менгли-Гиреем, но он своей клятвы не сдержал, за что и был наказан. Теперь Менгли-Гирей нам недруг и на его место надеемся посадить царем Нордоулата, отпусти его к нам, а жен и детей его оставь у себя. Когда бог помилует, даст ему тот юрт, тогда он возьмет их у тебя добром. Менгли-Гирей, царь, тебе другом был, но ведь и Нордоулат, царь, тебе друг же, нам он пригож, и ты его к нам отпусти». Понятно, что Иоанн не отпустил Нордоулата к Ахматовым сыновьям, не отпустил его и к самому Менгли-Гирею, когда тот, обеспокоенный сношениями Нордоулата с врагами, просил прислать его в Крым, обещая поделиться с ним властью. Вражда Ахматовых сыновей с Менгли-Гиреем продолжалась: Иоанн помогал Менгли-Гирею, отсюда, естественно, сын Ахматов, Шиг-Ахмет, сменивший Муртозу, помогал Литве в войне ее с Москвою. Но Литва не могла помочь ни самой себе, ни союзникам своим; видя это, Шиг-Ахмет завел было мирные переговоры с великим князем, который соглашался на союз с ним под условием союза его с Менгли-Гиреем, что было невозможно для Ахматова сына. Менгли-Гирей в 1502 году решил дело, напавши на Шиг-Ахмета и нанеся Орде его тяжелый, окончательный удар. Шиг-Ахмет убежал к погаям. Но Иоанн не хотел его окончательной гибели, он хотел доставить ему Астрахань под условием воевать с Литвою и быть в мире с Менгли-Гиреем. Но Шиг-Ахмет отправился в Турцию; султан не принял его, как врага Менгли-Гиреева; тогда он обратился к старому союзнику своему, королю польскому, но тот заключил его в неволю, желая иметь в руках узника, освобождением которого мог постоянно страшать Менгли-Гирея. Так прекратилось существование знаменитой Золотой Орды!

Крым избавил Москву окончательно от потомков Батыевых: чрез его посредство завелись первые сношения у нее с Турциею. Русский посол, дьяк Федор Курицын, ездивший к венгерскому королю Матвею Корвину, был задержан на возвратном пути турками в Белгороде, освобожден по стараниям Матвея и Менгли-Гирея и, приехавши в Москву, известил великого князя, что турецкие паши в Белгороде намекали ему, почему бы его государю не вступить в дружественные сношения с их падишахом. Иоанн на этом основании написал Менгли-Гирею: «Как мой человек Федор был в руках у салтана турецкого, то ему говорили паши большие господаря своего словом, что салтан турецкий хочет со мною дружбы, и ты бы для меня поотведал, какой дружбы со мною хочет турецкий?» Менгли-Гирей справился в Константинополе и переслал к Иоанну ответ султанов: «Если государь московский тебе, Менгли-Гирею, брат, то будет и мне брат». Такой ответ еще не мог повести к сношениям, повели к ним притеснения, которым русские купцы стали подвергаться от турок в Азове и Кафе и вследствие которых должна была прерваться торговля, издавна столь деятельная и выгодная для русских областей. В 1492 году Менгли-Гирей получил от Иоанна грамоту для отсылки ее к султану Баязету II; грамота была написана так: «Султану, великому царю: между бусурманскими государями ты великий государь, над турецкими и азияскими государями ты волен, ты польский (сухопутный) и морской государь, султан Баязет! Иоанн, божиею милостию единый правый господь всея России, отчич и дедич и иным многим землям от севера и до востока государь, величеству твоему слово наше таково: между нами наши люди не езжали нашего здоровья видеть, только наши гости из наших земель в твои земли ездят. Нашим и вашим людям от этого большие выгоды были; но гости наши били нам челом и сказывали, что они в твоих землях от твоих людей великие насилия терпят. Мы их речей не слушали, в Азов и Кафу ежегодно гостей отпускали. Но теперь эти гости били нам челом и сказывали, что в нынешнем году в Азове твой паша велел им ров копать и камень возить на

городское строение, также в Азове, Кафе и других твоих городах; оценив, их товары возмрут, а потом отдадут только половину цены. Если между нашими гостями, живущими по пяти и по шести человек вместе, при одном хозяйстве (в одном котле), один разболится, то еще при жизни его отсылают от него всех товарищей, товар их печатают, и когда больной умрет, то этот товар у всех у них берут, называя его товаром одного умершего человека; если же больной выздоровеет, то отдадут только половину товара. Разболится русский купец и станет товар отдавать брату, или племяннику, или с товарищем станет отсылать его к жене и детям, то у него еще у живого товар отнимают и товарищей к нему не пускают. Да и других много насилий терпят наши купцы, почему нынешнею весною мы их и не отпустили ни в Азов, ни в Кафу и ни в какие другие твои города. Прежде наши гости платили одну тамгу, и насилий никаких над ними не было, а теперь при тебе недавно начались насилия: известно ли это твоему величеству или неизвестно? Если твои люди поступали так с нашими людьми по твоему приказу, то мы вперед своих гостей в твои земли отпускать не будем. Еще одно слово: Отец твой славный и великий был государь; сказывают, хотел он, чтобы наши люди между нами ездили здоровье наше видеть, и послал было к нам своих людей, но, по божьей воле, дело не сделалось; почему же теперь между нами наши люди не ездят здоровье наше видеть? Обо всех этих делах написавши грамоту, прислал бы ты ее к нам, чтоб нам ведомо было».

Султан, получивши грамоту, отправил посла в Москву, но в литовских владениях посол этот был остановлен по приказанию великого князя Александра и возвращен назад. Тогда Иоанн в 1497 году отправил в Турцию своего посла Михаила Плещеева, которому дан был наказ править поклон султану и сыну его, кафинскому наместнику, стоя, а не на коленях, не уступать места никакому другому послу и сказать посольские речи только султану, а не пашам. Плещеев на основании этого наказа не захотел иметь с пашами никакого дела, не поехал к ним обедать, не взял их подарков. Султан в письме к Менгли-Гирею жаловался на Плещеева как на невежду и объявил, что не отправит своего посла в Москву, боясь, чтоб он не потерпел там оскорбления; но с Плещеевым отправил грамоту, в которой, называя себя государем Анатолийской и Румской земли, Белого (Мраморного) и Черного морей, Караманской земли, Меньшего Рима и иных многих земель, а Иоанна – князем всея Руси, Восточной, Польской и иных многих земель, писал, что приложил его грамоту к своему сердцу, изъявил желание, чтоб послы между ними ходили часто, чтоб великий князь отпускал в Турцию своих гостей, которые увидят его правду к себе; относительно же обид прежним купцам прислана была другая грамота, в которой Баязет писал, что приказал сыну своему Магомету, кафинскому наместнику, и дядьке его, чтоб с этих пор давали русским купцам за их товары настоящую цену, не оставляли ничего за собою, не брали бы купцов, не заставляли их камень носить и землю копать, писал, что с этих пор наследникам умерших в Турции русских купцов стоит только прийти к кадию, поставить свидетелей и присягнуть, что они действительно наследники, – и товары будут им отданы. Если же кто из русских умрет, а наследников у него при нем не будет, то кадий положит его имущество на год у доброго человека в крепком месте, и когда наследник явится, получит имение вышеозначенным порядком. Русский человек, заболевши, пусть пишет духовную перед добрыми людьми, и когда наследник приедет, получит имение по обыску и присяге. Если кто из русских будет долго болен, то зауморщики вместе с кадием опишут его имение, чтоб не истерялось. Лгут те, которые говорят, будто в Турции больных русских из комнат выкидывают и имение их берут на султана; кто из русских умрет и не будет у него родных, то начальство города берет имение его на сохранение, а самого хоронит и поминки правит, как будет приказано в духовной; если же умерший будет кому-нибудь должен, то заимодавец приходит к кадию и присягает в справедливости своего требования, и кадий по обыску отдает ему долг из имущества покойного. «Гостей своих в мою землю на их промысл отпуская, – заключает султан свою грамоту, – из нашей заповеди

никто не смеет выступить. Как свои двери отворены видишь перед собою, так и мои двери перед тобою отворены всегда. О чем какое дело будет, что тебе на мысль придет, с любовью, без зазрения напиши ко мне: все перед тобою готово. Тебе великий поклон, и кто тебя любит и меня любит, и тому великий поклон».

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.